

Алёна Холмирзаева

Подобный Богу мужчина – 2

Золотой Господин

Алёна Холмирзаева

**Подобный Богу мужчина
– 2. Золотой господин**

«Издательские решения»

Холмирзаева А.

Подобный Богу мужчина – 2. Золотой господин /
А. Холмирзаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837777-8

Анна робко и несмело поднялась с колен, распрощалась с мучившим ее тираном, обрела свободу, начала новую жизнь. Но счастлива ли она без своего подобного Богу мужчины? Или же ее рай у Его ног, под его начищенными до блеска ботинками?..

ISBN 978-5-44-837777-8

© Холмирзаева А.
© Издательские решения

Подобный Богу мужчина – 2 Золотой господин

Алёна Холмирзаева

Фотограф Алена Алишеровна Холмирзаева

© Алёна Холмирзаева, 2017

© Алена Алишеровна Холмирзаева, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-7777-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бессонная ночь сменилась солнечным, летним утром. Я накрылась одеялом с головой, не желая видеть света, не желая слышать, как весело щебечут птицы, не желая ничего, даже жить.

Прошлым вечером я ушла от своего мужчины, ушла по собственной воле, с гордо поднятой головой, ушла красиво, в роскошном платье, постукивая каблуками, ушла, и решительно закрыла дверь, оставляя его в прошлом. Такой надменной и уверенной, такой несокрушимой видел меня он, думая, что этот шаг дался мне легко, не зная, что выйдя из его номера, я сползла по обратной стороне двери и горько заплакала...

Впервые я показала ему свой характер, свою силу воли, впервые, не он наказывал меня, а я его. Впервые я ощутила свою власть над ним, когда он просил меня остаться, когда он просил дать ему еще один шанс, а я была непреклонна, холодна, сдержанна. Мы словно поменялись местами, потому что он признавался мне в любви, в его глазах был страх, отчаянье, а я наслаждалась звуком его разбивающегося вдребезги сердца. Я не люблю тебя, – сказала я, и упивалась его болью, его страданием, любовалась блеском слез в его голубых глазах. Я стала смелой, не испытывала страха, не думала о последствиях, я только хотела, чтоб он заплатил мне своими муками за все обиды, за всю ту боль, что мне пришлось стерпеть от его сильных, карающих рук. Я отомстила... только счастья мне это не принесло, и облегчения тоже, я наказала его и себя вместе с ним. Я хотела, чтоб он понял, что не сможет держать меня силой, чтоб он понял, что может потерять меня, и не задумывалась над тем, что могу потерять его.

Мне потребовалось лишь мгновение, чтоб понять, что я снова ошиблась, всего мгновение, чтоб почувствовать невероятный, всепоглощающий страх, мне потребовалось лишь одно мгновение, чтоб понять, что я солгала ему, когда сказала, что не люблю, мгновение, чтоб осознать, что я не умею без него жить...

– Анна, милая, ты спишь? – голос мамы нежный и встревоженный.

– Нет, мама, я не сплю, – сказала я, стягивая с себя одеяло и щурясь от яркого обеденного солнца.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама, присаживаясь на край кровати и заботливо поглаживая мои волосы. – Отдохнула?

– Нет, ма, я так и не смогла уснуть, за все это время я не сомкнула глаз, мне неудобно на этой кровати, мне холодно без Микаэля, без его горячего тела, мне слишком просторно одной в постели, я не могу спать без него... и вообще я без него не могу! – выпалила я, пытаюсь заплакать, чтоб мне стало хоть немного легче, чтоб со слезами вышла хоть капелька боли, которая разрывала меня, жгла изнутри, но слез не было, они кончились, с ним я плакала слишком часто.

– Милая, успокойся, – ласково сказала мама, но в ее глазах появилось только больше тревоги. – Расскажи мне, что случилось?

– Я не могу, не могу снова думать об этом, не могу снова переживать все это заново.

– Мы с отцом очень переживаем: ты приехала посреди ночи на такси, и у тебя даже не было денег, чтоб расплатиться... и ты ничего не объяснила... Он что, выгнал тебя? Обидел?

– Нет, мама, он меня не выгонял, я сама ушла. Он просил остаться, а я ушла. Это все, что я могу тебе сказать. И не спрашивай, мне слишком больно об этом говорить, я не могу, – отрезала я.

– Хорошо, – сдалась мама. – Скажешь, когда будешь готова, а пока пойдем завтракать.

Я неохотно сползла с постели, аппетита не было, но я не хотела расстраивать маму, не хотела еще больше тревожить ее.

Перед тем как сесть за стол я позвонила Миле.

– Собери мои вещи и перевези все в мою квартиру, – распорядилась я, – если конечно Микаэль позволит.

– А его дома нет, он не возвращался, – растерянno ответила Мила. – Анна, что случилось? Где ты? Он что, снова избил тебя?

– Перестань совать свой нос куда тебя не просят, – зло прокричала я. Перевези мои вещи и отправь водителя за мной, к моим родителям! – я бросила трубку, так что та отлетела от телефона и я попыталась положить ее на место, зло швыряя ее, так что аппарат громко звенел, но продолжал сопротивляться. Тогда я с силой рванула телефон, так что оборвала провод, и со всей силы швырнула его о стену. Теперь, когда все разлетелось вдребезги – мне полегчало, и я отправилась за стол, где меня ждали перепуганные моим приступом родители. Никто ничего не говорил, отец читал газету, но она была открыта на развороте с объявлениями и я поняла, что он просто смотрит, но не читает, он думает обо мне, он волнуется, а ведь у него такое слабое здоровье... Мне стало жаль отца, потому что его дочь полная дура, идиотка, которая вместо того, чтоб обеспечить родителям спокойную старость, приползла к ним зализывать раны.

– Простите меня... – попросила я, ковыряя вилкой в тарелке.

– Ничего, этот телефон мне никогда не нравился, – улыбнулся отец, отрываясь от газеты, – как раз появился повод его сменить.

Я улыбнулась ему в ответ, надеясь, что сумела выдавить из себя нечто, хоть немного напоминающее улыбку. Мама не ела – она наблюдала за мной, и я стала есть, даже не понимая, что на моей тарелке. Всего немного, несколько кусочков, но этого было достаточно, чтоб меня окатило невероятно сильным приступом тошноты, и я сорвалась с места, надеясь успеть добежать до туалета. Когда все кончилось, отец помог мне добраться до постели, а мама напоила меня сладким травяным чаем и я, наконец, уснула.

Когда я проснулась – меня уже ждала машина. Мама решила ехать со мной, не смотря на все мои протесты. Папа остался дома, под присмотром соседки, на случай, если ему станет плохо от пережитого волнения.

Дни тянулись мучительно долго, часы, минуты, секунды без него причиняли невероятную боль, мучили меня, терзали...

Не знаю, что я себе думала, когда уходила от Микаэля, не знаю, какой я себе представляла свою жизнь без него, но теперь, лишившись сна, лишившись охоты к еде, потеряв интерес ко всему – я знала, что жизнь без него мне не нужна. Я хочу обратно, в его плен, пусть держит меня силой, пусть бьет, а я буду целовать его руки, упаду на колени, к его ногам, и пусть делает со мной все, что захочет, пусть убьет меня, лучше мне умереть от его любви, от его гнева, от его холода, чем медленно растворяться в одиночестве, день за днем, изнемогая от нестерпимой боли.

– Девочка моя, ты встала с постели! – обрадовалась мама.

– Да, я больше так не могу, я пойду, – я стала одеваться, натягивая на себя первое, что попало под руку.

– Куда пойдешь?

– Куда, куда – к нему. Я возвращаюсь к Микаэлю!

– Ты хорошо подумала? Может, стоит подождать, пока он сам позвонит или приедет?

– Прошло уже больше недели, и он не позвонил, и не приехал, и не станет, потому что я сама ушла от него, а он отпустил меня, и не станет возвращать! – нервно прокричала я. – Я должна вернуться, пока еще не поздно, пока он не нашел мне замену, пока я еще могу вернуться.

– Анна, успокойся...

– Нет, я не успокоюсь, пока не окажусь дома, рядом с ним!

– Анна, ну зачем ехать на ночь глядя, потерпи хотя бы до утра.

– Нет, мама, нет! – взбеленилась я. – Как ты не понимаешь, что я боюсь ночи, я не сплю, я лежу и мучаюсь, меня снедают мысли о нем, воспоминания, сожаления, я этого больше

не вынесу. Я поеду к нему и только там, в его постели, только рядом с ним я смогу уснуть. Только рядом с ним, мои страдания закончатся...

Я отчаянно кинулась к дверям, но мама перегородила мне путь.

– Анна, ты должна меня выслушать, – серьезно сказала она, – потом, если захочешь – я тебя отпущу.

– Ладно, только быстро, мама, я спешу, – сдалась я, зная, что если она что задумала, то не отступит.

– Иди сюда, – она подвела меня к большому зеркалу, – смотри, что ты видишь?

Я ужаснулась: из зазеркалья на меня смотрела незнакомка. Немытые волосы небрежно связаны в хвост, лицо уставшее, бледное, осунувшееся, под глазами темные мешки от бессонных ночей и непрекращающихся слез, губы искусаны в кровь, одежда неопрятная – домашняя футболка и джинсы.

– Поедешь к нему в таком виде? – спросила мама, видя мое недоуменное. – Думаешь, он захочет принять тебя такую?

– Мам, я ужасно выгляжу, – согласилась я.

– Ничего, милая, все поправимо. Сейчас я приготовлю тебе горячую ванну, а потом ты поешь, хоть немножко, хорошо?

Я была вынуждена согласиться, потому что в таком виде я не могла заявиться к Микаэлю, ведь он сам говорил мне не раз, что женщина всегда должна хорошо выглядеть для своего мужчины.

– Может мне поспать с тобой? – спросила мама, укрывая меня одеялом.

– Да, пожалуйста, – попросила я, боясь остаться одной.

– Хорошо.

Вскоре мы вдвоем лежали в постели, и мама гладила мне спинку, как когда-то давно в детстве, только теперь, она не читала сказку, а говорила о моих отношениях, пытаясь помочь мне разобраться в них и в самой себе.

– Я не знаю, по какой причине вы расстались, но я знаю, как сильно ты его любила и полагаю, что ты бы никогда не ушла от него, не будь у тебя на то веской причины. Так что не спеши возвращаться, подумай, стоит ли делать это. Сейчас тебе сложно, ты зависима от него, но со временем это пройдет, и только тогда, когда ты сможешь делать разумный, взвешенный выбор, только тогда принимай окончательное решение. Не спеши, то, что твое, от тебя никуда не денется. Если любит тебя, будет ждать, а если нет, значит не твое, а чужого тебе не надо.

– Он мой, мама, я это точно знаю. Мой, просто мы натворили много ошибок, обидели друг друга, но он мой единственный, такого другого у меня не будет и не надо. Только он, мой Микаэль... Фаррелл.

Мне наконец-то удалось уснуть, от прикосновений маминых ласковых рук, под ее родной голос, и я спала крепко и глубоко. Мама была права, и я знала, что должна сделать так, как она говорит, потому что плохого она мне никогда не советовала. Я должна была взять себя в руки, я должна была принять взвешенное решение, я должна была все обдумать, потому что от этого зависела вся моя жизнь.

В мой день рождения родные уговорили меня выйти на прогулку. Приехал отец, и мы вместе пошли в парк, катались на качелях, ели сладкую вату, и я вновь чувствовала себя ребенком. Я была так сломлена, что просто позволяла родителям заботиться обо мне, потому что сама я этого не могла. Мы провели отличный день, наверное, я не знаю, потому что все время я думала только о Микаэле. Я знала, что он не сможет не поздравить меня, я знала, что сегодня у него есть предлог увидеть меня, и я надеялась, что он им воспользуется. Я предвкушала нашу встречу, представляла, как волнительно будет увидиться, мечтала, что он поцелует меня и подарит что-нибудь особенное. Я хотела взглянуть на него свежим взглядом, увидеть в нем перемены, я хотела, чтоб он снова попросил меня вернуться, чтоб он убедил меня, что в этот раз все будет иначе.

Уже был вечер: отец поехал домой, а мама с Милой готовили праздничный ужин. Еда по-прежнему меня мало интересовала, и в готовке я никакого участия не принимала, но сидела на кухне за компанию, то и дело поглядывая в окно. Неожиданный звонок в дверь застал всех нас врасплох. Я ждала этого момента весь день, а теперь застыла, испугавшись. Что, если все пойдет не так, как я себе представляла? Неважно, главное, что он здесь, он приехал! Я успела заглянуть в зеркало, прежде чем открывать дверь, и мое отражение мне понравилось. Может, я конечно и не выглядела как прежде, но все же лучше, чем неделю назад, когда я себя вообще не узнала.

Я шумно выдохнула, набираясь смелости, и открыла. На пороге стоял водитель Микаэля с огромным букетом белоснежных роз и большущей коробкой с золотым бантом.

– Добрый вечер, мисс, – улыбнулся он смущенно.

– Добрый вечер... – растерянно ответила я, разочарованная тем, что Микаэль не явился лично. Но ведь он прислал водителя, значит, наверное, меня должны привезти к нему, или в ресторан на ужин... да, точно, это было бы идеально.

– Это от мистера Фаррелла, – он поставил коробку на пол и протянул мне букет. – С днем рождения, мисс, хорошего праздника.

Водитель поспешил удалиться, и я поняла, что ужина не будет. Что ж, может Микаэль задумал что-то другое...

Я протянула Миле букет и достала из него записку. Лаконично, как и на мой прошлый день рождения, ровным, красивым подчерком, было написано:

С днем рождения, Анна.

Микаэль Фаррелл

Я поднесла записку к лицу и почувствовала легкий, терпкий запах его парфюма. Боже, как я соскучилась по нему, как я соскучилась по его голосу, по его прикосновениям, по его сдержанности, по его холодности!..

– Ну же, милая, открой подарок, нам не терпится узнать, что в нем, – попросила мама, нависая надо мной. Мила тоже стояла с букетом, боясь пропустить самое интересное. Коробка была большая, но не настолько, чтоб в ней поместился Микаэль Фаррелл, а жаль.

Вздрагивая от волнения, я, наконец, справилась с бантом и открыла ее. От неожиданности у меня сперло дыхание, я замерла, мысли растерялись, я не понимала, что все это означает, не понимала, радоваться мне или плакать. Я заметила еще одну записку и стала читать ее, надеясь, что она все прояснит.

Анна, оно твое, только, пожалуйста, не выходи в нем за другого.

Бумага выпала из моих рук и откуда-то снова появился новый поток горячих, жгучих слез, в груди защемило так, словно меня ударили ножом в самое сердце, и не одним, а десятком, сотней острых, стальных ножей, таких же холодных, как сам Микаэль Фаррелл. Все мои надежды рухнули, мечты разбились. Сегодня был идеальный день для примирения, сегодня был шанс все исправить, сегодня он мог получить меня обратно, но этого не случилось. Сегодня был мой двадцать шестой день рождения, и я поняла, что следующий встречать не хочу. Я потеряла его, окончательно, бесповоротно. Он уже смирился с тем, что я буду с кем-то другим, он не собирался возвращать меня, бороться за меня. Он поставил в наших отношениях жирную точку, и у меня умерла даже надежда, та, которая обычно умирает последней.

Я слышала, как ахнула мама, Мила едва не выпустила букет белоснежных роз, а я громко закричала от отчаянья и боли, роняя слезы на свое свадебное платье, в котором мне не судилось выйти замуж, и стать Анной Фаррелл.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Я, то до ужаса ненавидела его за жестокость, то едва ли не умирала от невероятной любви к своему тирану. Но в конце концов я остановилась на том, что люблю его. Люблю до изнеможения, люблю до безумия, люблю его так сильно, что больше не могу думать о себе, о своей гордости, о своих желаниях. Он, только он, все что он хочет, все, что он прикажет, все, на что будет его воля. Я принадлежу ему, я вся, моя душа и мое тело, и те осколки, которые остались от моего сердца – все это только его. Я люблю его и буду любить всегда, он мой единственный мужчина и никого другого я никогда не смогу любить, не то что так же сильно, я вообще никогда и никого другого не смогу полюбить. Я буду любить только его, всегда, до скончания веков, вечно...

Мой холодный, мой властный мистер Фаррелл, мой нежный Микаэль... я снова у твоих ног, я снова ничто пред тобой, я снова лишь твоя безликая тень... Только прикажи, и я приду, я прибегу к тебе, я буду ползти на коленях, только прикажи... Я снова вспомнила, где мое место, я снова покорная, послушная, я твоя рабыня, я готова повиноваться, я готова беспрекословно исполнять твои приказы, я готова умереть или жить, лишь бы только не влачить бессмысленное, жалкое существование вдаль от тебя. Мой подобный Богу мужчина,

я жажду снова преклонится пред тобой, мой рай у твоих ног, моя жизнь в твоих сильных руках. Я отдаюсь тебе, я покорно склоняю голову, я уважительно опускаю взгляд перед твоим величием, перед твоей властью, силой и могуществом.

Я поднялась с кровати и стала одеваться. Пойду к нему, упаду на колени, стану просить милости. Буду молить о прощении, о пощаде, о снисходительности. К черту гордость – с ним у меня ее никогда не было, и не надо. Пусть относится ко мне как к вещи, как к прислуге, пусть вытирает об меня ноги, пусть унижает, пусть топчет своими начищенными до блеска ботинками. Пусть пользуется мной, а я буду благодарно целовать его руки, радуясь, что смогла быть ему полезной. Я буду такой, какой он хочет, лишь бы только он был счастлив, я буду делать то, для чего и создана – уважать, убажывать, повиноваться своему мужчине. Лишь бы только он был милостив ко мне и принял меня обратно.

– Анна, ты уже встала? – мама вошла в комнату, и я увидела бесконечную грусть в ее заплаканных глазах.

– Мама, что случилось? Ты плакала? – спросила я встревожено, прикрываясь платьем, которое еще не успела надеть.

– Покажи мне! – потребовала она, подходя ко мне.

– Показать что?

– Я все знаю, Мила мне все рассказала, покажи, – она развернула меня и стала осматривать. Только теперь я поняла, что Мила не сумела держать рот на замке и растрепала маме о том, что Микаэль меня бил.

– Господи, мама, уже прошло столько времени – там ничего нет! – раздраженно бросила я, отталкивая ее от себя.

– А это что? – спросила она, притаскивая меня к зеркалу. Действительно, внизу спины еще виднелся одинокий след от ремня.

– Мама, хватит, оставь меня в покое! – потребовала я, не желая видеть этого, не желая вспоминать насилия, побоев, унижения.

– Анна, ты что, совсем потеряла рассудок? Посмотри на это! Смотри! – мама сорвалась на крик и я испугалась, потому что никогда раньше не видела ее такой злой, такой разочарованной и несчастной.

– Мама, это не то, что ты думаешь! – попыталась успокоить ее я. – Мы просто... он использовал это для удовольствия, понимаешь? Это была игра, это несерьезно!

– След от удара, который не проходит более двух недель, это очень серьезно! Ты совсем глупая? Не понимаешь? Это не шутки, Анна! Он поднял на тебя руку однажды, и все мы стерпели, но это повторилось! И повторится снова, и снова! Я не для того тебя рожала, чтоб какой-то ублюдок над тобой издевался! Ты мой ребенок, моя кровь и плоть, ты мое все, я не переживу, если с тобой что-то случится! – мама уже плакала, а я просто опешила от того, что происходило, от того, как расстроена она была. А если бы она увидела меня сразу после

того, как он меня избил? Тогда, когда на мне живого места не было... Она бы придушила его собственными руками, за то, что посмел поднять руку на ребенка, которого она сама ни разу не ударила. Мама рыдала, поглаживая мой шрам, так, словно хотела исцелить меня, так, словно хотела забрать себе мою боль, и мне стало так жаль ее, потому что я понимала ее, но в то же время, я так привыкла быть битой, что для меня это давно стало нормой. Да, Микаэль избивал меня, бил сильно, жестко, больно, и что с того, если мне из его рук даже наказание сладко?

Мама обняла меня, стала целовать, громко рыдая и всхлипывая. Она долго не могла успокоиться и мы просидели с ней несколько часов, прежде чем мне удалось убедить ее в том, что все было не так плохо, как выглядело со стороны. Мне пришлось ей все рассказать, все, с самого начала, все, кроме моего самого большого позора. И когда я вслух проговорила все это, то заметила, что на самом деле хорошего было не так много, счастливые моменты можно было сосчитать на пальцах, а вот плакала с ним я едва ли не каждый день... Я словно прозрела, я будто увидела все со стороны, и мне стало стыдно за себя, за то, что терпела, за то, что после всего этого, все равно хотела быть с ним, хотела вернуться. Насколько же я была слабой, никчемной... не удивительно, что он не уважал меня, я и сама себя не уважала. Он относился ко мне, как я сама к себе относилась. Я говорила, что я ничто, и так оно и было, я унижалась, а он унижал, он бил, а я позволяла, он был моим тираном, а я его жертвой... Во всем был виноват не только он, мы вдвоем, одинаково несли ответственность за произошедшее. У нас были зависимые отношения: ему нужно было само утверждаться за чей-то счет, а мне было нужно, все то, что он со мной делал, я получала от этого удовольствие, мне это нравилось, пока все не зашло слишком далеко. Теперь же, я, наконец, осознала, насколько ненормальными были наши отношения, всегда, с самого начала и до конца. Теперь я прозрела, и мне расхотелось продолжать любить его слепо.

– Анна, если ты собиралась к нему – и думать забудь, – попытожила мама. – Я тебя никуда не отпущу, я не позволю тебе уничтожить свою жизнь. Я буду рядом, мы переживем это вместе, и я обещаю, что не с ним, но ты будешь счастлива. Ты узнаешь, что такое настоящая любовь, когда тебя ценят, оберегают, когда о тебе заботятся. Все это будет, но не с ним. Я не позволю, я никогда не дам своего благословения. Я никогда больше не поверю ему, потому что однажды он смотрел мне в глаза и обещал, что никогда тебя не обидит, а сам... Все наладится, вот увидишь, только дай мне слово, девочка моя, пообещай, что не вернешься к нему!

– Обещаю, – согласилась я, ради мамы, ради ее спокойствия, ради того, чтоб она больше не плакала. Ради мамы и ради себя. Я впервые приняла правильное, взвешенное решение, закончить отношения с Микаэлем Фарреллом, оставить в прошлом его жестокость и его холод, раз и навсегда перевернуть эту страницу своей жизни. Теперь мне хотелось, чтоб меня не наказывали, а просто любили, мне хотелось стать счастливой, пусть и не с ним.

По щекам потекли слезы, едва я успела проснуться. Я встала и открыла шкаф, достала коробку и долго решалась, не зная, стоит ли ее открывать. Потом все же открыла, и, не обращая внимания на гулко бьющееся сердце – достала свое свадебное платье. Пятнадцатое июля... Этот день должен был стать самым счастливым в моей жизни, я должна была идти к нему, клясться в любви, обещать всегда быть рядом... должна была услышать его клятву, его обещание любить меня и беречь, хранить мне верность и никогда не оставлять... Вместо этого я ушла, а он отпустил, и никто из нас больше не собирался делать первый шаг к примирению, больше никто никого не собирался возвращать. Мы расстались, разошлись, наша одна на двоих судьба, наша любовь, наши совместные мечты, все рухнуло, все превратилось

в пепел, все исчезло. Внутри меня зияла огромная дыра, на том месте, где раньше был он, я была опустошена, я была потеряна, сломлена.

Я приложила платье к себе и устроилась у зеркала. Я была бы красивой невестой, достойной своего обворожительного жениха. Мы были бы идеальной парой... Знаю, что Микаэль думает, будто мы выглядим вместе как отец и дочь, но это не так. Он даже не представляет, до чего он хорош собой! И я рядом с ним никогда не испытывала стеснения – лишь только гордость за то, что рядом мужчина, который собирает на себе восторженные взгляды женщин, и при этом он только мой. Он бы ждал меня у алтаря, а я бы шла к нему по проходу, наслаждаясь тем, как он на меня смотрит. А потом бы он взял меня за руку и надел бы мне кольцо, обещая вечно любить, а потом он бы прикоснулся губами к моим губам, скрепляя поцелуем наш обет. Время бы остановилось, весь мир бы ждал, пока целуются мистер и миссис Фаррелл. Восторженные вскрики, овации, слезы счастья на глазах родных и слезы на моих глазах от счастья, от безграничного счастья, слезы радости, потому что теперь я его жена, его единственная, его любимая, его покорная женщина, безликая тень своего мужчины.

– Анна, что ты делаешь? – мама появилась так внезапно, что я вздрогнула от неожиданности. – Отдай! – она вырвала из моих рук платье и стала небрежно запихивать его обратно в коробку.

– Господи, мама, осторожнее! Дай я сама, – я кинулась к ней и ухватила за платье, но она зло посмотрела на меня, не собираясь уступить.

– Отпусти, или я вообще выброшу его, – пригрозила она, и я сдалась. – Не надо этого делать, – уже мягче сказала она, – не надо причинять себе еще больше страданий, ты и так натерпелась достаточно. Все кончено, он в прошлом, все, что связано с ним больше не имеет значения. Он так обидел тебя, он вытирал об тебя ноги, он издевался над тобой! Посмотри, во что он тебя превратил! Мне приходится кормить тебя силой, приходится поить тебя успокоительными, приходится давать тебе снотворное, чтоб ты могла уснуть хоть ненадолго. Он тебя в могилу сведет, а ты и не сопротивляешься, наоборот, помогаешь ему. Так нельзя, не мучай себя еще больше... – мама продолжала говорить, а я представляла наш первый танец, как он крепко держит меня, как ведет. Он мой лидер, мой авторитет, он мой Бог, а я ведома им, я в его руках, в его власти, я его...

– Отпусти меня... – тихо прошептала я. Мама перестала расправляться с платьем и удивленно уставилась на меня.

– Что?

– Отпусти меня... – повторила я.

– Нет, Анна, нет, не отпущу! – не раздумывая ответила она.

– Отпусти меня, мама, я больше так не могу... – я расплакалась, прижимая руки к груди, где разрывалось от боли мое разбитое сердце. – Отпусти, я люблю его, я хочу быть с ним, все равно как он со мной обращается, все равно, быть бы только с ним рядом...

– Анна...

– Я умираю без него, мама, неужели ты не видишь? – я упала перед ней на колени, и громко зарыдала. – Я больше не могу терпеть этой боли, я умираю мама, умираю без него... Отпусти...

Потеря моя безгранична

Оплакать – не хватит слез.

Печали моей, как песка в пустыне,

А горя больше, чем грез.

Я без тебя – не живая

Мне больно одной дышать.

Холодным, каменным склепом

Мне стала пустая кровать.

Молитвы шепчу я в небо

Прошу мне тебя вернуть.

Иначе не встречу я лета,

Иначе, мне лучше навеки уснуть.

Прошу тебя, ангел хранитель

Если ты все еще здесь,

Верни моего мужчину

Он – все что у меня есть.

Волос седина густая

Тепло его нежных рук,

Улыбка его неземная,

Глаза – океанская глубь.

Его широкие плечи

Его грациозный стан,

И запах его безупречный,

Но только я здесь, а он где то там.

Печаль моя – безгранична...

Оплакать – не хватит слез,

Душа догорает в пепел,

В глазах не осталось слез.

Как будто померкло солнце

Как будто настала зима,

Как будто упали все звезды...

И я осталась одна.

Лето приблизилось к закату, на деревьях появлялись первые пожелтевшие листья, но было еще тепло. Я была еще жива, только благодаря бесконечной любви моей матери я дожидая до осени, и немного пришла в себя. Я училась жить заново и теперь я уже немного прибавила в весе, щеки порозовели, я стала плакать все реже, а главное, я научилась засыпать без него. Нет, я не исцелилась, я по-прежнему была больна им, я все еще ежесекундно думала о нем, и я все еще скучала. Я мечтала услышать его запах, терпкий аромат его парфюма, смешанный с запахом виски и сигар, я мечтала услышать его низкий голос, строгий, приказывающий, требующий немедленного повиновения, я мечтала прикоснуться к нему, обвить руками его шею, запустить пальцы в его густые, седые волосы, мечтала ощутить жар его дыхания на моей коже... Никто не мог мне запретить мечтать о нем, думать о нем, никто не мог запретить мне любить его, никто...

Но жизнь продолжалась, и я больше не могла жить только лишь страданиями и болью. Я должна была двигаться вперед, должна была заботиться о себе, я должна была излечиться, сколько бы времени на это не понадобилось.

Я устроилась на работу в школу. Мне повезло, потому что опыта у меня не было, а меня взяли на хорошее место, с нормальным окладом. Так, утром я преподавала, а вечером училась в автошколе. Я хотела получить права, так как Микаэль заплатил водителю за его работу до конца года, а платить ему самой у меня нет возможности, собственно как и Миле, которую я тоже предупредила, чтоб она не спеша подыскивала себе новое место. Мама, наконец, вернулась домой, но звонила мне каждый день, и подозреваю, звонила Миле, проверяя, действительно ли у меня все хорошо. Из моей прежней жизни не было никаких новостей, никто меня не беспокоил, даже Дон, каким-то странным образом оставил меня в покое. Я понятия не имела, как живет Микаэль, тут он, или уже где-нибудь за границей, в одном из своих многочисленных отелей. Я постоянно думала, как он живет, скучает ли он по мне, любит ли еще он меня? Или забыл, встретил другую, или как и раньше просто платит за секс, за удовольствие? Мне не давали покоя его последние слова о том, что он хочет начать сначала, что он меня любит, меня мучило то, что я не дала ему шанса, а вдруг он бы и правда изменился

и все бы наладилось? Не поторопилась ли я тогда с решением? Может, стоило остаться, может, стоило потерпеть, может, сейчас бы я была счастлива... Может быть, но что теперь... слишком поздно.

Я сидела в учительской, урок уже начался, но у меня было окно, и я готовила план на следующую неделю. Вскоре ко мне присоединился еще один учитель: это был мужчина лет тридцати, может с небольшим хвостиком, хорош собой, блондин с серыми глазами и забавной бородкой.

– Анна Викторовна, сделать вам чаю? – спросил он, отрывая меня от работы.

– Давайте я сама, – предложила я поднимаясь.

– Нет, нет, позвольте мне поухаживать за вами, – настоял он.

– Спасибо, – я снова присела, и вскоре он поставил передо мной чашку чая и тарелку с бутербродами.

– Угощайтесь.

– Спасибо, но я не голодна.

– Анна, вы слишком худенькая, покушайте, – настоял он, заботливо пододвигая тарелку поближе ко мне.

– Я съем один, спасибо.

Мы принялись обедать, и какое-то время неловко молчали, потом он спросил:

– Могли бы мы перейти на ты, пока здесь никого нет?

– Конечно.

– Отлично, – обрадовался он, – так вот, у нас не было возможности пообщаться и я подумал, что мы могли бы сходить куда-нибудь вместе...

– Владимир Александрович...

– Просто Вова, – поправил меня он.

– Хорошо, Вова, вы мне очень приятны, но я только пережила тяжелое расставание, и к новым отношениям пока не готова. Говорю это сразу, чтоб не морочить вам голову...

– Анна, я просто хотел пообщаться, провести вместе немного времени – ничего такого. К тому же, может ты мне не понравишься, и я не захочу никаких отношений, – пошутил он, задорно улыбаясь.

– Вот как? – улыбнулась я в ответ.

– Да. Давай попробуем?

– Нет, думаю, все же не стоит, – стояла на своем я.

– Ты сначала подумай, не отказывайся вот так сразу. Я ведь учитель физ. культуры, а не какой-нибудь математик.

– А в чем собственно разница? – не поняла я.

– Ну, кому захочется идти на свидание со скучным математиком? Другое дело я, – он выставил руки, демонстрируя мне свои бицепсы, – Аполлон, да и только, – гордо заявил он, причем так серьезно, что я не сдержалась и рассмеялась.

– Раз такое дело, то я пойду с тобой на свидание, – сказала я шутя, но он принял мои слова всерьез.

– Это уже другой разговор, – довольно заулыбался Вова. – Тогда завтра в семь?

– Лучше в восемь, у меня занятия в автошколе.

– Хорошо, тогда в восемь на Крещатике.

– Ладно, – согласилась я, подумав, что возможно мне не помешает развлечься.

Вечером после занятий водитель привез меня к назначенному месту, где меня уже ждал мой новый кавалер с красной розой в руке.

– Привет.

– Анна, привет! Это тебе, – он протянул мне розу, и я поблагодарила, радуясь, что роза красная, а не белая, потому что белоснежные розы мне дарит только мой нежный тиран, мой жестокий Микаэль Фаррелл.

Я впервые увидела Вову не в спортивном костюме – сейчас он был в светлых джинсах и легком свитере, который облегал его накачанное тело, и выгодно подчеркивал достоинства. Я была в летнем платье, но взяла с собой кардиган, на случай, если станет прохладно. Мы не спеша прогуливались у фонтанов, говорили о работе, и мне уже начинало становиться смертельно скучно, когда Вова вдруг сказал:

– Можешь немного постоять здесь, я быстро.

Я растерянно согласилась, не понимая, что происходит. Оставлять девушку одну, прямо посреди скучнейшего свидания – не лучшая идея. Я разочарованно вздохнула, думая о том, что все-таки стоило сразу отказать ему, а теперь будет как то неловко, к тому же не хватало, чтоб по школе поползли слухи. Боже, ну когда я научусь думать, прежде чем что-то делать?

Думай, прежде чем открывать свой паршивый рот, Анна, – вспомнились мне слова Микаэля, и мое горло сжал огромный ком боли и слез.

– Садись, прокачу! – рядом со мной остановился парень на мотоцикле; он был в шлеме и кожаной куртке.

– Нет, спасибо, – отказалась я, нервно раззираясь по сторонам, ища глазами Вову. – Я жду своего парня.

– Это я что ли твой парень? – спросил он, снимая шлем. Теперь я увидела, что это Вова и удивленно уставилась на него. – Хотел сделать тебе сюрприз, – улыбнулся он, – садись.

– Но я же в платье!

– И что?

Я надела кардиган и устроилась позади Вовы, потом нацепила шлем и несмело взялась за его талию.

– Нет, держись крепче, – сказал он, подтягивая мои руки, заставляя меня крепко обнять его. – Так то лучше, готова?

– Готова, – сказала я.

Он опустил стекло в своем шлеме, и мы поехали не спеша, а когда выехали на трассу, он разогнался и мы неслись по вечернему городу. Это было так невероятно здорово, мне казалось, что мы летим и мое прошлое остается далеко позади, оно не может меня догнать, и я, пожалуй, не хочу, чтоб оно даже пыталось. Сейчас у меня другая жизнь, я с другим мужчиной, и он оказался лучше, чем я предполагала. Я крепко прижимаюсь к нему и ощущаю жар его тела, я обнимаю его, и это приятнее, чем я думала, мои бедра касаются его бедер, и это пробуждает во мне желание, физическое влечение, которое долгих три месяца спало беспробудным сном.

– Ты как? Все нормально? Не замерзла? – прокричал Вова, и я выставила руку вперед и подняла большой палец, давая ему понять, что все супер.

Вскоре я немного осмелела и отпустила его, развела руки в стороны, наслаждаясь скоростью. Вова тоже отпустил руль и недолго мы парили вместе, потом он снова стал управлять мотоциклом, а я обняла его, уже не для того, чтоб держаться, а просто потому, что мне хотелось его обнять.

Мы остановились у развлекательного центра, и я слезла с мотоцикла, потом встал Вова, он снял свой шлем и помог мне.

– У меня коленки дрожат, – улыбнулась я.

– Так страшно было?

– Не страшно, а здорово! Я в восторге!

– Я рад, что тебе понравилось. Мне хотелось немного растормошить тебя, потому что ты всегда такая сдержанная, такая серьезная.

Да, это осталось во мне от консервативного Микаэля, – грустно подумала я, – с ним я всегда должна была молчать, держать при себе свои чувства и эмоции, свои желания. Я должна была подстраиваться под его настроение, должна была соответствовать его статусу. С ним я стала взрослой, взрослее, чем должна была быть. К черту его! Не хочу думать о нем, не сегодня, не сейчас.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я Вову и потянулась к нему, поцеловала его в губы. Он не ожидал от меня такого и немного опешил, но потом сжал меня в объятьях и ответил на поцелуй, забирая инициативу себе. Я была не против,, потому что в отношениях, как и танце, должен вести мужчина.

– Пойдешь со мной на второе свидание? – спросил Вова, прижимаясь лбом к моему лбу и продолжая целовать меня.

– Значит, я тебе понравилась? – улыбнулась я.

– Еще как, – серьезно ответил он.

– Хорошо, я пойду с тобой на второе свидание, но для начала давай закончим первое.

– Поиграем в боулинг?

– Я играю так себе.

– Я научу, – пообещал Вова, и мы направились в развлекательный центр.

Этот вечер был лучшим за долгое время и был первым хорошим вечером с тех пор, как я ушла от Микаэля.

Ночью я долго не могла уснуть: я думала о Вове, о нашем поцелуе, о том, как его губы отличаются от губ Микаэля, о том, как легко и щеотно меня покалывала его борода. Я вспоминала о том, как я прижималась к нему, когда мы ехали на мотоцикле, о том, как он обнимал меня сзади, показывая, как правильно бросать шар, чтоб сбить все кегли, вспоминала, как он привез меня к дому и я засомневалась, стоит ли мне пригласить его к себе... а он лишь поблагодарил меня за вечер, поцеловал в щеку и уехал.

Он оказался лучше, чем я предполагала, и он понравился мне, а я понравилась ему... Вова был веселым, с ним было легко и мне не нужно было взвешивать каждое слово, не нужно было обдумывать каждое свое движение, с ним я чувствовала себя свободно. А еще в нем было что-то чисто мужское, что-то, чего не было в Доне и чего было слишком много в Микаэле, что-то такое, от чего рядом с ним я чувствовала себя женщиной. А еще я была с ним на равных, мне не нужно было просить у него разрешения, позволения, он учитывал мои желания, с ним мое мнение имело значение. Он не пытался воспитывать меня, подстраивать под себя, ломать, он принимал меня такой, какая я есть, с ним я была самой собой, была настоящей. Мы сошлись характерами, нам не было неловко вместе и все вроде бы было хорошо, может даже идеально, только вот теперь отчего-то на душе было мерзко... От нашего чистого поцелуя я чувствовала себя грязной, от наших невинных объятий я чув-

ствовала себя шлюхой, я чувствовала себя неверной, потому что все еще принадлежала другому мужчине, жестокому тирану, беспощадному садисту – Микаэлю Фарреллу.

– Может встретимся сегодня? – спросил Вова, догоняя меня, когда я направлялась в класс на урок.

– Нет, сегодня не выйдет, извини, – холодно отказала я. Он растерялся, поник, потом пожал плечами, сказал:

– Ладно, тогда я спрошу завтра.

Но я не собиралась больше с ним встречаться и каждый раз, как он просил меня о свидании – отвечала ему отказом. Неделью спустя мы вновь пересеклись в учительской и как на зло, мы были там одни.

– Заварить тебе чаю? – спросил он, пытаясь нарушить неловкую, напряженную тишину.

– Нет, спасибо, мне нужно в библиотеку, взять кое-какой материал, так что я пойду, – солгала я, собирая свои вещи и направляясь к выходу.

– Подожди, – он преградил мне путь, заставляя объясниться.

– Дай мне пройти! – потребовала я.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Нет, не хочу.

– Почему? Я обидел тебя, сделал что-то не так?

– Все нормально, – отмахнулась я.

– Анна, я больше не прошу тебя о встрече, о свидании, я просто прошу, что б ты сказала, в чем дело.

– А я прошу тебя уйти с дороги и оставить меня в покое, – резко сказала я, и он отступил, давая мне, наконец, выйти из учительской.

На душе было тяжело, потому что я незаслуженно обидела его, потому что я была с ним слишком жесткой, но будь я с ним мягче – он бы продолжал настаивать на встрече, а я не могла. Не могла давать ему ложную надежду, не могла давать ему повод думать, что у нас может что-то получиться, потому что не может, потому что нельзя начать что-то новое, не закончив старое, потому что нельзя полюбить одного, не разлюбив другого.

На следующий день мы случайно столкнулись в коридоре, но все обошлось лишь формальным приветствием. Он обиделся на меня, я это знала, и от этого мне стало грустно, потому что на самом деле я не хотела его обидеть, не хотела причинять ему боль, особенно после того замечательного вечера, который мы провели вместе. Он ведь не сделал мне ничего

плохого, он не заслужил такого отношения, он был исключительно добр ко мне... Ладно, ладно, я извинюсь, я объяснюсь с ним, но это не изменит моего решения, я просто буду вежливой, попрошу его понять меня, попрошу остаться друзьями, ну или просто коллегами.

Я посмотрела его расписание и специально дождалась последнего урока, чтоб мы могли спокойно поговорить. Когда дети разошлись, я вошла в спортзал. Я застала Вову за интересным занятием – он был в бойцовских перчатках и со всей силы молотил кулаками по груше. Я застыла в дверях, потому что это было завораживающее зрелище: он был так силен, так энергичен, а еще он был обнажен до пояса, и я не могла отвести взгляд от его красивого, да нет же, идеального тела...

– Привет, – сказала я, подходя к нему.

– Анна, что ты здесь делаешь? – спросил он растерянно.

– Мы можем поговорить?

– Конечно, – он снял перчатки и сделал несколько глотков воды. Он немного вспотел, и от него пахло его духами и потом, пахло мужчиной, и я отвела взгляд, пытаюсь сосредоточиться на том, ради чего пришла.

– Прости, я обидела тебя...

– Да ничего, – отмахнулся он, почесывая бороду. – Я не понимаю что произошло, но наверное, у тебя есть на то причина. Мне просто хотелось бы знать, есть ли в том моя вина. Если я тебя обидел, то извини, я не хотел...

Боже, он еще лучше, чем я предполагала! Он такой добрый и милый, такой мягкий и в то же время мужественный... Так, о чем это я?

– Нет, тебе не за что извиняться, – убедила его я. – Все дело во мне. Я сразу тебе сказала, что у меня было сложное расставание, и я не готова к новым отношениям.

– А, что ж, ладно, я понял.

– Ты мне нравишься... – сказала я честно.

– И ты мне, – грустно улыбнулся он.

– Я просто не хочу, чтоб все зашло слишком далеко и я не хочу потом причинить тебе боль, и сама не хочу больше страдать. Мне нужно время, чтоб разобраться в себе.

– Хорошо, я понимаю, – он как-то резко дотронулся рукой моей щеки, и я по инерции испуганно отпрянула. – Эй, ты чего? – опешил он. – Я просто хотел убрать твои волосы с лица, я не собирался тебя бить.

– Прости, это уже рефлекс... – ответила я, едва сдерживая слезы.

Ну как я могу начинать новые отношения, если во мне все еще живет страх, если я все еще жду вместо ласки побоев, к которым так привыкла.

– Все нормально, перестань извиняться, – мягко сказал Вова и несмело приблизился ко мне.

– Прости... – прошептала я, роняя несколько слезинок.

Все воспоминания ожили, та ночь, насилие, его удар в живот, унижение... мой Микаэль... нет, мне никогда не удастся оставить его в прошлом, у меня никогда не получится забыть его и все то, что он со мной делал.

– Не плачь, – Вова осторожно коснулся моего лица, вытирая мои слезы, и от его заботы, от его ласки мне стало так спокойно, с ним я почувствовала себя в безопасности, с ним я чувствовала себя защищенной. Я положила руки на его обнаженную грудь, опустила голову на его плечо, а он обнял меня за талию, легко, не так сильно и жадно, как это делал Микаэль. – Я не обижу тебя, не бойся... – прошептал он мне на ушко, – только слабый мужчина может поднять руку на женщину.

– Значит, он был очень слабым, потому что делал это так часто... – сказала я, и почувствовала, как Вова напрягся.

– Вот что, – сказал он, отпуская меня из своих объятий, – я научу тебя защищаться, но для начала тебе нужно выпустить пар. Вот, надевай, – он протянул мне перчатки и я надела их, сомневаясь, что у меня что-то получится.

– Сними туфли, – сказал Вова, но потом увидел, что они на застёжке и опустился на колени, помогая мне разуться. – Так, готово. Стань вот так, выставь руки перед собой, и наносишь удар, сначала правой, потом левой, – он показывал, а я повторяла за ним, сначала медленно, потом немного быстрее и сильнее. – Хорошо, молодец, а теперь я буду держать грушу, а ты бей, бей со всей силы, Анна, представляй, что это он.

Я застыла... я не могла бить Микаэля, не смела, даже воображать такого...

– Давай же, – настаивал Вова, – вспомни момент, когда он сделал тебе больнее всего и ответь ему!..

Мы в нашей спальне, я перед ним на коленях, собираюсь ублажать его, не смотря на то, что весь вечер он не замечал меня и проявлял внимание к моей подруге. Я собираюсь сделать ему хорошо, потому что должна, потому что надеюсь заслужить его благосклонность. Он смотрит на меня с презрением, с отвращением, обзывает шлюхой, силой берет то, что и так принадлежит ему, потом он меня бьет, бьет в живот, кулаком в солнечное сплетение и я задыхаюсь, от боли, от обиды, падаю, а он волочит меня обратно в постель, чтобы закончить то, что начал... А потом он бросает меня на холодный пол в ванной и мочится на меня... а я, черт, я даже думать не могу о том, чтобы его ударить...

Я бессильно опустила руки и посмотрела на Вову.

– Я не могу, – прошептала я, плача.

– Можешь, Анна. Ты должна! Ответь ему тем же, пусть он узнает, как больно он тебе делал. Он заслужил! Он не мужик, раз поднимал руку на такую хрупкую девушку, он слаб, он ничтожество! – Вова разозлился и стал сам колотить кулаками по груше, неистово, быстро, с ненавистью. – Вот что я бы хотел сделать с ним. Теперь ты.

Было так странно, что Вова злился, что его задевало то, что меня кто-то обидел, и мне было очень приятно, что мои слезы не оставляли его равнодушным, как Микаэля. Сколько раз я плакала, сколько раз просила его остановиться, но он не обращал на мои мольбы никакого внимания, мои слезы его не трогали...

Удар, еще один, сильнее, быстрее – я со всей дури лупила грушу, выплескивая на нее всю свою злость, всю обиду, всю ненависть, я била ее, нанося четкие и сильные удары, я била ее и чувствовала, как по щекам текут слезы освобождения, я била ее и кричала, словно наконец обрела голос, которого была так долго лишена... я била ее, и да, я представляла, что это он, ледяной тиран, изверг, садист, мой беспощадный мучитель, мой любимый предатель...

Я начала и уже не могла остановиться, теперь я лупила грушу ногами, пинала ее, толкала, пока не кончились силы, пока я, изнеможенная и обессиленная не упала в объятия Вовы.

– Легче? – спросил он, убирая волосы, упавшие на мое лицо.

– Да... – ответила я, тяжело дыша.

– Хорошо, ты молодец. А теперь становись на мат, и я покажу тебе парочку приемов. Самый простой способ, не требующий много энергии, это удар в нос или кадык. Одним резким четким движением, вот так, а после, когда он будет обезврежен, можно закрепить результат ударом в пах, – он показал и я повторила, вдруг почувствовав в себе силу противостоять и защищаться. – Если же насилие несет сексуальный характер, то можно подыграть насильнику, сделать вид, что ты тоже не против, можешь расстегнуть его ширинку, спустить брюки и трусы до колен, а потом подхватится и бежать. Знаешь, как говорят: женщина с задранной юбкой бежит быстрее, чем мужчина со спущенными штанами. Также не забывай про чисто женские приемы – укуси его или выцарапай глаза, если на тебе туфли – сними их и проткни ему каблуком руку или еще что...

– Ужас, не думаю, что я способна на такую жестокость.

– Или он тебя или ты его, – сказал Вова серьезно, и я кивнула, соглашаясь с ним. – Пока все это лишь теория, давай попробуем что-нибудь на практике. Скажем, я хватаю тебя за горло и душу, ты должна ударить меня в лицо открытыми ладонями, вот так. Твой удар должен быть быстрым, резким и достаточно сильным, чтоб обезвредить меня. Твоя фишка в том, что я думаю, что ты хрупкая, слабая девчонка, и не ожидаю от тебя сопротивления. Но помни, у тебя есть всего один шанс заставить меня врасплох, если первый удар не обезвредит меня, то к следующему удару я уже буду готов, и твои шансы уменьшатся на 90%. Давай попробуем, бей так, как я сказал, представь что все взаправду.

Вова схватил меня за горло обеими руками и легко сжал, а я попыталась ударить его, но замешкалась, и тогда он схватил меня сильнее.

– Это то, о чем я тебе говорил, у тебя всего одна попытка. Давай еще раз.

Он снова сжал мою шею, и на этот раз мне даже стало немного больно, дышать стало тяжело и мне это не понравилось, и даже немного испугало, так что я быстро, резко и сильно ударила его в лицо ладонями, и он рухнул на мат.

– У меня получилось! – сказала я, поставив ногу на его грудь, – ты повержен!

Вова отреагировал мгновенно, схватил меня за лодыжку, и уже через долю секунды я оказалась рядом с ним на мате.

– Ты потеряла бдительность, – улыбнулся он, и эта его улыбка была такой милой, что я не удержалась и поцеловала его. Вова ответил не раздумывая, и вскоре он оказался надо мной, а я положила руки на его массивные плечи, притягивая его к себе.

– Постой, – он отпрянул и посмотрел мне в глаза, – мы не торопимся?

– Не знаю, – честно ответила я, и снова прильнула к нему. Мы долго целовались, пока я не почувствовала, что готова к большему. Меня влекло к нему, мое тело соскучилось по ласкам, и я жаждала отдаться ему здесь и сейчас. Я сняла кофточку и расстегнула лиф, а он взглянул на меня с желанием и припал губами к моей обнаженной груди.

– А вдруг кто-то войдут? – простонала я, вспомнив, что мы в школе.

– Здесь уже никого нет, уроки кончились, но если нас застукать уборщица – что ж, так и будет, – он снова продолжил ласкать меня, а я не сопротивлялась. Мне уже было все равно, застанет нас кто-то или нет, я хотела его, я хотела секса, хотела в спортзале, на мате, с этим мужчиной.

Моя рука потянулась к его штанам, но он остановил меня.

– Подожди, я сбегая за презервативом.

– Нет, не оставляй меня, – попросила я, – пусть так, только не кончай в меня.

– Хорошо, – согласился он, и позволил мне спустить его брюки и ухватится за его член. Он казался меньше, чем у Микаэля, но размер не имел никакого значения. Главное, что у него был член, а у меня было куда его принять.

– Я не сумел доставить тебе удовольствие, – разочарованно констатировал Вова, когда мы отдыхали после недолгого полового акта.

– Ничего, главное, что тебе было со мной хорошо.

– Нет, главное, чтоб нам двоим было одинаково хорошо, – возразил он.

Я вспомнила о Микаэле, о том, как он неустанно повторял мне, что его удовольствие превыше всего, что женщина нужна только для того, чтобы удовлетворять мужчину, а она

сама и ее чувства не имеют никакого значения, что я даже не заметила, как стала думать также, отодвигая свои потребности на задний план. Вова же был абсолютно другим, и это не могло не радовать.

– У тебя не найдется салфетки?

– Конечно, сейчас, – он ненадолго оставил меня, но вскоре вернулся.

– Спасибо, – я взяла салфетку и стала вытирать свой живот, на котором блестела его сперма.

– Ты уходишь? – обеспокоенно спросил он, глядя на то, как я одеваюсь.

– Да, мне пора. Я уже сильно опоздала на занятия, но все равно поеду, пропускать нельзя. А ты тоже готовься.

– К чему?

– Завтра я пойду с тобой на второе свидание, если ты, конечно, не потерял ко мне интерес.

– Нет, не потерял, скорее наоборот, я заинтересован в тебе, как никогда раньше, – улыбнулся он.

– Что ж, рада это слышать.

– Анна...

– Да?

– Мне очень понравилось... ты такая умелая... – сказал Вова, отчего-то смущаясь.

– У меня был хороший учитель, – хмыкнула я. – До завтра.

– Подожди, – Вова подошел ко мне и заключил меня в объятия. – Почему у меня такое чувство, что ты сбегашь?

– Потому что это так. Если ты не отпустишь меня – я окончательно опоздаю, – сказала я, поглаживая его бородку.

– Ладно. Когда у тебя завтра уроки?

– С третьего по шестой.

– Как ты смотришь на то, чтоб я заехал за тобой утром, часов восемь или полдевятого?

– В полдевятого, – согласилась я.

Вова поцеловал меня в губы и наконец, отпустил. Я зашла в учительскую за своими вещами и вышла на улицу, где меня ждала машина.

– Добрый вечер, мисс.

– Добрый, – поздоровалась я, устраиваясь на заднем сидении.

– В автошколу, мисс?

– Нет, не сегодня. Поехали домой.

Машина тронулась с места, а я устало откинулась на спинку сидения и заплакала.

Мила приготовила мне пенную ванну, и я долго лежала в горячей воде, желая смыть с себя запах мужчины, которому я не принадлежала. Что это было? Порыв, физическое влечение, потребность, не более. Я снова поступила опрометчиво, позволила себе поддаться желанию, а теперь сожалела, что поспешила, что не обдумала все как следует. Я хотела его, да, это правда, а еще я хотела доказать себе, что могу сделать это, могу жить дальше, могу быть с другим, хотела убедиться в том, что мне может быть хорошо, с кем то кроме Микаэля. Но увы... Только он умел доставить мне истинное наслаждение, только от его прикосновений я трепетала, умирала, воскресала, только от его запаха я теряла голову, только от его слов, от его низкого, грубого голоса я вспыхивала как спичка и горела с ним, в его умелых руках, до тех пор, пока он не позволял мне погаснуть... Он всегда брал меня с такой жадностью, с таким желанием, с такой страстью, напором, противостоять ему было невозможно, да я и не могла и не хотела противиться ему, я не смела говорить ему нет... Я была слишком слабой с ним, он был со мной слишком силен, он был могуществен, он имел надо мной абсолютную власть, он был моим лидером, он вел меня, а я была им ведома, я шла за ним, закрыв глаза, полностью вверяя себя, свою жизнь моему владыке.

Микаэль... забери меня из этой пустой, не имеющей смысла, жизни, – отчаянно прошептала я, – Забери меня в свои сильные руки, властвуй надо мной, будь центром моей вселенной, будь моим всем, говори мне что делать, как думать, чего желать, говори, когда дышать... Быть с тобой так трудно, но быть без тебя труднее, тебя сложно любить, но разлюбить невозможно...

Какая же я дура! Зачем я снова совершила ту же ошибку? Зачем я впустила в себя еще одного мужчину? А вдруг Микаэль узнает? Тогда он точно не вернется ко мне... он и так не вернется... между нами все кончено. Мы все разрушили, мы превратили свою любовь в руины, мы сожгли все дотла, и на месте нашего счастья осталось лишь пепелище... Теперь у каждого своя, новая жизнь. Раз мне больше нет места в его жизни, так зачем мне держать его место в своей, свободным? Вова... он хороший парень... может, с ним я не теряю голову, может с ним я не рассыпаюсь на осколки, и может он совершенно не такой, как Микаэль, но может быть, оно и к лучшему...

Я, наконец, выбралась из ванны и ко мне сразу же постучалась Мила.

– Анна, звонил какой то парень, – сказала она, протягивая мне мой мобильный. – Вова кажется. Он звонил раз сто, так что я ответила и сказала, что ты в душе.

– Хорошо, спасибо. Мила, завари мне чаю.

– Хорошо, сейчас.

Она ушла и я замешкалась, не зная, хочу ли сейчас говорить с Вовой. Пока я думала, телефон снова зазвонил.

– Привет.

– Анна, наконец-то! Ты как, все нормально? – взволнованно спросил он.

– Да, все нормально, а что? Я принимала ванну, только вышла.

– Я уже весь извелся, думал, ты меня избегаешь...

– Глупости, – отмахнулась я, хотя такая мысль у меня действительно была.

– Мне ответила какая-то девушка, ты живешь не одна? – спросил он, надеясь продлить разговор. – Она твоя сестра? Голоса похожи.

– Нет, она моя прислуга, домработница.

– Домработница? – опешил он. – А зачем тебе?.. Учителям английского, что так хорошо платят?

– Если бы, – рассмеялась я.

– Тогда я не понимаю...

– Это долгая история...

– Я не спешу. Вот, сел на диван, занял удобное положение, и готов слушать тебя хоть всю ночь.

– Ну, раз тебе так интересно... – я задумалась, с чего бы начать, – в общем, мой бывший, он был богат, и прислуга осталась мне с тех времен.

– А, теперь понятно откуда у тебя такая машина! А тот парень, который тебя возит... я уже себе голову сломал, кто он тебе...

– Он просто мой водитель, – подтвердила я.

– Ясно... – Вова замолчал, по всей видимости намереваясь о чем-то спросить и не решаясь.

Мила принесла мне чашку чая и несколько сырников.

– Если ужинать не хочешь, то съешь хотя бы это, – сказала она, тыча мне тарелку в руки.

– Нет... – скривилась я, – я не голодна.

– Анна, твоя мама меня убьет!

– Ты работаешь на меня, а не на мою маму!

– Вот сама ей об этом и скажешь, – отрезала Мила и вышла.

– Да, я тут, прости, немного отвлеклась, – сказала я Вове, ковыряясь вилкой в сырнике.

– Я хотел спросить тебя... о нем... – неуверенно начал Вова.

– Спрашивай, что тебя интересует?

– Ты все еще любишь его?

Этот вопрос застал меня врасплох, но впрочем, я знала, что рано или поздно он его задаст.

– Да, люблю, – честно ответила я.

Вова молчал, а я не торопила. Пусть обдумает все как следует, пусть решает сейчас, устаивает ли его это.

– Понятно... – немного разочарованно протянул он, – но ведь между вами все конечно, так?

– Да, мы расстались, все в прошлом, – подтвердила я, не зная, верю ли я сама в то, что говорю.

– Хорошо, я рад...

– Так как насчет завтра все в силе? – поинтересовалась я, желая перевести тему.

– Да, конечно.

– Ладно, тогда до завтра?

– Анна... я хотел еще спросить, стоит ли нам обсудить то, что произошло сегодня между нами?

– Произошло и произошло, что тут обсуждать?

– Ну, не знаю... Ты точно в порядке?

– Вова, прошу, не волнуйся ты так, – улыбнулась я, удивляясь тому, какой он заботливый и внимательный. Совсем не такой, как Микаэль...

– Ладно, тогда спокойной ночи и до завтра.

– До завтра, – я отключилась и неосознанно коснулась того пальца, на котором раньше носила помолвочное кольцо. Я сколько угодно могла убеждать себя в том, что я свободна и имею право на личную жизнь, но почему то, я все равно чувствовала себя так, будто изменяю любимому мужчине.

Утром Вова ждал меня у подъезда, он был на велосипеде, и держал еще один для меня.

– Доброе утро. Надеюсь, ты умеешь ездить на велосипеде?

– Умею, – сказала я, целуя его в щеку.

– Рядом с твоим домом есть отличный парк, можем там покататься.

– Хорошая идея, – согласилась я, взбираясь на велосипед.

Вскоре мы неслись парком наперегонки, и я победила, хоть мне показалось, что Вова поддавался. Теперь же мы ехали не спеша, болтая о работе.

– Как насчет чашечки чая или кофе? – спросила я, чувствуя, что уже устала.

– Давай, – согласился он, и мы поехали к ближайшему кафе.

– Ты завтракала? Может, хочешь перекусить?

– Я не голодна, спасибо, но если ты хочешь, можешь взять себе что-нибудь.

Я пила чай, а Вова с аппетитом уплетал бургер с картошкой.

– Расскажи мне о нем, – попросил он.

– О ком, о нем?

– О твоём бывшем.

– Что ты хочешь знать?

– Да так, просто не могу понять, что он из себя представляет. Я уже знаю, что он плохо с тобой обращался, но вчера ты сказала, что все еще любишь его. Как такое может быть? Как можно любить того, кто поднимает на тебя руку?

– Ну, не знаю... – пожала плечами я, не зная, что сказать в свое оправдание.

– Ладно, просто расскажи мне что-нибудь о нем. Как вы познакомились?

– Я работала на него, – коротко ответила я, не желая углубляться в детали.

– И?... – Вова требовал продолжения, и я тяжело вздохнула, собираясь с мыслями.

– Я влюбилась...

– Ты не хочешь говорить об этом? – спросил Вова, обижаясь на мои лаконичные ответы.

– Да нет, не то чтобы не хочу... – я замолчала, вспоминая о Микаэле, и в груди тут же больно защемило, – просто не знаю как и с чего начать.

Вова молчал, давая мне возможность собраться с мыслями, а я думала, как ему рассказать все вкратце, так чтобы не вдаваться в детали, так чтоб не бередить едва затянувшиеся раны. После некоторой паузы я, наконец, выдавила из себя общее описание Микаэля.

– Он очень успешный, и как я уже говорила – он богат, а еще он старше меня на двадцать лет...

Вова перестал есть и удивленно поднял брови, глядя на меня с изумлением.

– Ого...

– Да, много, знаю, но он очень красивый, статный, роскошный, так что его возраст меня только привлекал. Мы из разных миров: я жила в деревне и приехала сюда, потому что оказалась на дне, понимаешь? Отец заболел и мне срочно нужны были деньги. Он нанял меня на работу, потом узнал о моих проблемах, узнал об отце, и отправил его на лечение за границу. Он все оплатил и практически спас ему жизнь... А потом мы сошлись, и он открыл мне новый мир, о котором я и мечтать не могла. С ним у меня было все, чего только можно желать: дорогая одежда, роскошные рестораны, волшебный отдых у океана... мы жили в огромном особняке с бассейном, садом, и кучей прислуги... – я тяжело вздохнула, думая о том, что у меня и правда была прекрасная жизнь, если бы не одно но... – И все бы ничего, если бы только... – я замолчала, нет, говорить об этом слишком сложно, я не могу. К тому же мы с Вовой не настолько хорошо знаем друг друга, чтоб рассказывать все в деталях.

– Я понимаю, тебе сложно, – он накрыл мою руку своей, – можешь не продолжать.

– Я ушла от него за три недели до свадьбы... – закончила я, потому что больше ничего не могла сказать.

– Это правильно, потому что дальше было бы только хуже, такие люди не меняются, – Вова все еще заботливо держал меня за руку, а я знала, что он прав, что он все говорит абсолютно верно, но почему то, все внутри меня противилось такой правде. – Или ты жалеешь? – спросил он, словно прочитав мои мысли.

– Что ушла? Да, жалею.

– Но ведь он бил тебя! – Вова с осуждением посмотрел на меня. Я пожала плечами, не зная, что сказать в свое оправдание.

– Он не какое-то чудовище, не думай, – вступилась я за Микаэля, – он не избивал меня так уж сильно... Иногда он наказывал меня заслуженно, а иногда он все же переступал черту, но ничего такого... Он не наносил мне никаких серьезных увечий...

– Ты сейчас оправдываешь его? – опешил Вова, таращась на меня с изумлением.

– Нет, я просто говорю, что он не такой плохой, каким ты себе его, наверняка, представляешь.

Было странно, но когда я говорила о Микаэле, о наказаниях, я снова почувствовала себя маленьким нашкодившим ребенком, я снова ощутила себя слабой, и мне вдруг снова захотелось уважительно склонять голову перед своим могущественным властелином. Куда только подевалась уверенная, решительная, сильная Анна, которой, как мне казалось, я стала! При упоминании о Микаэле, ее и след простыл, и вернулась я прежняя, покорная и ничтожная.

– Сегодня после уроков я жду тебя у себя на тренировку, – решительно заявил Вова, – я докажу тебе, что ты не такая слабая, как думаешь, я научу тебя защищать себя, уважать себя, а еще, я попытаюсь занять его место в твоём сердце, потому что ты мне действительно нравишься, Анна. Пойдем, скоро на работу.

Я не стала спорить. Вова был так уверен в себе, так решителен, и так мужествен. Мне нравился его напор, а еще мне нравилось то, что я ему нравлюсь, потому что и мне он нравился тоже.

Наши отношения с Вовой развивались достаточно стремительно, и в тоже время как будто стояли на месте. Мы виделись каждый день, после уроков он тренировал меня, и я уже делала успехи, стала сильнее и увереннее в себе, мое тело стало подтянутым, и результаты наших занятий меня радовали, но мы по-прежнему были скорее друзьями, чем парой. Может он не хотел торопиться, а может я каким-то образом не подпускала его к себе, держа на расстоянии, но то, что произошло однажды в спортзале, больше не повторялось. Наконец я решила, что пора двигаться дальше и сама позвала его на свидание. Я купила нам билеты в кино на поздний сеанс, и мы заняли свои места в последнем ряду полупустого зала.

– Не знал, что ты любишь боевики, – подметил Вова, надевая очки.

– Не люблю, но знаю, что любишь ты.

– Значит, это все ради меня?

– Да. К тому же может, и я научусь паре ударов, – я замахала руками, как каратист или ниндзя, и нечаянно выбила стакан попкорна, который держал Вова.

– Эй, я его вообще-то есть собирался! – рассмеялся он.

– Ой, прости, – мне стало неловко за свою неуклюжесть, но ситуация вышла крайне комичной и я тоже не сдержала смеха.

– Посмотрим, что тут у нас, – сказал Вова, поднимая стаканчик. – Всего пару штук, – расстроился он и отправил их в рот.

Закончился анонс и начался фильм, так что мы замолчали и Вова с восторгом следил за происходящим на экране, а я думала о том, какой он милый, этот парень, и том, как мне повезло встретить его.

Я с большим трудом досидела до середины фильма и уже клялась себе, что больше никогда не пойду на боевик, когда вдруг мне у голову пришла идея, как можно провести время с пользой. Я потянулась к Вове и прошептала ему на ухо.

– Я придумала, как мне загладить мою вину...

– Ты о покорне? Да забудь уже, это ерунда, – отмахнулся он.

– Ну что ты, я так провинилась... – моя рука легла на его колено и медленно поползла вверх, пока не остановилась на его члене. Я потрогала его через плотную ткань джинсов, и хоть мы были в очках, но я знала, что Вовины глаза округлились от удивления.

– Анна... – выдохнул он, раззираясь по сторонам. В нашем ряду сидел всего один парень, но он был достаточно далеко от нас и слишком увлечен фильмом, что бы обращать на нас внимание.

– Помоги мне, – попросила я, и он послушно расстегнул ширинку и достал свое хозяйство. Я коснулась его, взяла в ладонь, и стала не спеша двигать рукой, постепенно увеличивая темп и силу. Вова потянулся ко мне и впился в мои губы, его больше никто не смущал, он был полностью расслаблен и в тоже время напряжен до предела. Его рука нырнула под мою кофточку, и он стал ощупывать мою грудь через белье, его возбуждение нарастало, и вскоре он кончил в мою ладошку. Он отпрянул и довольно заулыбался, потом стал заправляться, а я покопалась в своей сумочке и достала салфетку, чтоб вытереть руку.

– Спасибо, это было так неожиданно и так здорово! – восторженно прошептал он, целуя меня в уголок губ.

– Все что угодно, лишь бы только не смотреть этот фильм, – улыбнулась я.

– Тебе не нравится, тогда давай уйдем, – предложил он, но я знала, что ему очень хочется досмотреть до конца.

– Нет, ничего. Я пока схожу в дамскую комнату, и буду ждать тебя на улице.

Я отмыла руки с мылом, по прежнему противясь запаху чужого мужчины, а когда вышла на улицу – удивилась, потому что Вова уже ждал меня.

– Фильм уже закончился?

– Нет, но я не хотел оставлять тебя одну. Досмотрю конец как-нибудь потом.

Это был достойный мужской поступок, я была приятно удивлена и теперь, Вова стал нравится мне еще сильнее. А еще, я в который раз подумала, что он лучше, чем я ожидала.

– Хочешь зайти куда-нибудь на чашечку чая, или просто прогуляемся?

– Я уже получила все, что хотела, – игриво улыбнулась я, – а теперь можно просто прогуляться.

Он обнял меня за талию, и мы не спеша поплелись прочь от кинотеатра.

– Ты обещал покатать меня на мотоцикле, может завтра?

– Завтра не выйдет, можно в пятницу.

– Завтра будет хорошая погода, а в пятницу обещают дождь.

– Завтра никак, прости. Может в другой раз...

– Так и до зимы недолго, – недовольно фыркнула я. – Учти, у меня дорогушая шуба, я в ней на мотоцикл не полезу.

– Не злись, правда не получается...

– Почему? У тебя что, есть какие-то планы? Ты же говорил, что свободен, я не понимаю...

– Анна, это не мой мотоцикл, – признался Вова, – я взял его взаймы у друга, а он сейчас не в городе и вернется только в пятницу.

– Почему ты мне сразу не сказал? – опешила я.

– Я просто хотел произвести на тебя впечатление, а потом уже было как-то неловко признаться, прости... – смущенно сказал он, и мне хоть и была неприятна его ложь, но я все же решила не заострять на этом внимания, видя, как ему неудобно передо мной.

– Не твой, ну и ладно, – отмахнулась я.

Мы шли молча, и я вдруг осознала, что совершенно ничего о нем не знаю. Зачастую мы говорили о работе или обо мне, а о себе он говорил крайне мало.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила я, решив разузнать о нем побольше.

– Что, например?

– Расскажи мне о своих прошлых отношениях, о том, как ты живешь, расскажи все, что считаешь нужным. Я о тебе совсем ничего не знаю.

– Так-то нечего рассказывать... У меня обычная жизнь. Работаю учителем, живу с родителями и младшей сестрой. Слушай, – он остановился и нервно провел рукой по бороде, – я простой парень, я не богат, мы все вчетвером ютимся в крошечной квартирке, со своей зарплаты я оплачиваю учебу сестре, я могу сводить тебя в дешевое кафе, могу покататься с тобой на велосипедах, могу сводить тебя в кино или боулинг, но я не он... у меня нет возможности дарить тебе дорогие подарки или водить тебя в роскошные рестораны, хоть я

и знаю, что ты этого стоишь, ты стоишь самого лучшего, и я хотел бы, но у меня нет такой возможности... – он разволновался и был так смущен своей несостоятельностью, был так расстроен, что мне стало жаль его.

– Вова, перестань, – мягко сказала я, лежа руки на его щеки. – Мне ничего этого и не нужно, я не жду, что ты станешь таким, как он, наоборот мне в тебе как раз и нравится то, что ты совершенно на него не похож. Я и сама из села, и все, что у меня есть – это не моя заслуга. Я знаю, что такое простая жизнь и это меня вполне устраивает. Не стоит переживать из-за этого, ладно? – я привстала на носочки и поцеловала его в губы.

– Ладно... – согласился он, – ты прости, что сразу не сказал тебе про мотоцикл.

– Да ничего, забудь, это не имеет никакого значения. Скоро я получу права и покатаю тебя на своей машине, идет?

Он согласно кивнул, и мы продолжили свою прогулку.

– Так что там насчет бывших девушек? – спросила я, делая вид, что жутко ревную.

– А, девушек у меня было много, – довольно заулыбался Вова, – они просто не могут устоять перед моей красотой!

– Кто бы сомневался, – с сарказмом хмыкнула я.

– Да, девушек было много, но серьезных отношений не было. Я все как то думал сначала нагуляться, встать на ноги, а потом уже устраивать свою личную жизнь. А сейчас, когда я встретил тебя, я думаю, что уже вроде бы нагулялся, а деньги... может они и не важны, если рядом человек, с которым тебе действительно хорошо, и который тебе по-настоящему дорог...

Вот так, между прочим, не прямым текстом, Вова дал мне понять, что я значу для него больше, чем я могла предположить, и это было безумно приятно, а еще печально, потому что я по отношению к нему ничего такого не испытывала.

В это трудно поверить, но моя жизнь понемногу налаживалась и я стала привыкать к мысли, что Микаэля в ней больше нет, и не будет. Я завела новые знакомства, работала по специальности и эта работа доставляла мне удовольствие, заканчивала обучение в автошколе и регулярно ходила на свидания, с теперь уже моим парнем. Я уходила из дома утром и возвращалась поздно вечером, и во всей этой суете мне было некогда терзать себя воспоминаниями, несбывшимися надеждами и мечтами о том, что никогда не произойдет. Да, моя нынешняя жизнь была простой, без изысков и излишеств, она была лишена роскоши и ослепительного сияния, но в этой жизни я больше не валялась на коленях, у чьих-то ног, в этой жизни я была свободна, я была самодостаточной, я была личностью, а не тенью другого человека. Мое прошлое уходило в прошлое, и я не хотела его возвращать, я хотела его забыть...

Вова вышел из школы, и я ему посигналила. Он обернулся и зашагал к моей машине.

– Эй, красавчик, садись, подвезу, – сказала я, из открытого окна.

– Анна, ты за рулем? Ты что...

– Да, я получила права, садись!

Вова занял место рядом со мной и потянулся ко мне, чтоб поцеловать.

– Умница, я так горжусь тобой! – сказал он искренне, скромно целуя меня в губы, так как у школы гуляли дети.

– Я ведь обещала тебя покатать, пристегнись.

Мы выехали на дорогу, и я была очень сосредоточена, потому что это была моя первая поездка и мой первый пассажир.

– Расслабься, у тебя отлично получается, – Вова смотрел на меня с восторгом, и я улыбнулась, подумав, что он жутко милый.

– Надеюсь, ты не занят сегодня, потому что такое событие стоит отметить.

– Я весь в твоём распоряжении, только мне бы заскочить домой, переодеться.

– Покажешь дорогу?

– Да, сейчас направо.

– Вообще-то у меня есть навигатор, можешь ввести адрес?

– Когда был экзамен?

– Вчера, но я ничего не сказала, хотела сделать сюрприз. К тому же мало ли, вдруг я бы не сдала.

– Да, у тебя получилось меня удивить, – кивнул он, – за рулем ты смотришься потрясно. И машина у тебя просто супер, – он с изумлением рассматривал салон и ощупывал кожаные сидения. Я невольно вспомнила Микаэля, нашу с ним ссору по поводу того, что женщина за рулем – это опасно. Видел бы он меня сейчас... Да, он бы пришел в ярость от моего непослушания и своевольности, а вот Вова гордился и восхищался мной, радовался моим успехам. Я включила музыку, желая заглушить мысли о Микаэле, и Вова неожиданно стал подпевать. Слуха у него не было, как и голоса впрочем, и мне вспомнилось, как Микаэль пел в душе. Это было мое первое утро в качестве его невесты. Его низкий, приятный баритон разбудил меня, и я пошла в ванную, где застала Микаэля: он был весь в пене и пел с такой отдачей и надрывом, выглядел таким счастливым и беззаботным... А еще он был обнажен и невероятно хорош собой...

– Ты очень красивая, когда вот так улыбаешься, – услышала я голос Вовы и испуганно схватилась за руль, потому что понятия не имела, как вела машину, погруженная в свои мысли.

– Как дела на работе? – спросила я, немного совладав с собой.

Я ждала Вову под подъездом. Он приглашал меня подняться с ним, но я была еще не готова знакомиться с его родителями. Я слушала музыку и с ужасом смотрела на старый пятиэтажный дом, в котором жил Вова. Он находился на окраине города в таких дебрях, что без навигатора я бы его точно не нашла. Вова сказал, что живет на четвертом этаже, и я рассматривала окна его квартиры, обшарпанный и захламленный балкон, с облупленными рамами и грязными стеклами. У них всего одна комната и они ютятся там вчетвером... Я пожалела, что уже пригласила его к себе домой – как неловко теперь будет нам обоим в моей роскошной, просторной квартире...

– Все, можем ехать, – Вова снова сел рядом со мной и я завела машину. Ну что ж, отступать некуда.

– Проходи, раздевайся, чувствуй себя как дома, можешь пропылесосить, – улыбнулась я.

– У тебя нет тапочек?

– Нет, но тут пол с подогревом, так что в ноги холодно не будет. Пойдем, я тебе все тут покажу, – я повела его за собой, стараясь не обращать внимания на то, как он удивлен и растерян. – Тут гостиная...

– Ого, какая огромная плазма...

– Да, после ужина можем посмотреть фильм. Тут рабочий кабинет и мини-библиотека, кстати, тут я проверяю тетрадки своих учеников, там гостевая комната, но в ней сейчас живет моя домработница. Это ванная, но в спальнях отдельный санузел, ну и коридор. Сейчас пойдем на кухню, отпразднуем, а потом, я покажу тебе свою спальню... – я прижалась к нему и легко поцеловала в губы. Вова был напряжен, но от моих прикосновений немного расслабился.

– У тебя тут все очень здорово, – сказал он, и мне показалось, что я услышала нотки зависти или, может, он был просто ошарашен.

– Ты умеешь открывать шампанское? – спросила я, волоча его за собой на кухню.

– Умею.

– Тогда держи, а я пока разогрею еду.

– А где же твоя домработница?

– Отпустила ее домой. Завтра пятница, и после уроков мы могли бы приехать ко мне и провести вместе все выходные, что скажешь?

– Я – за, – согласился он, наливая шампанское.

– Никак не пойму, что тут нажимать, – сказала я, изучая кнопки на микроволновой печи, – а, нашла.

– Ты что ли, сама вообще не готовишь?

– Нет, последние полтора года нет. А так вообще я умею, просто он не подпускал меня к кухне, все делала прислуга. Работать он мне тоже запрещал, впрочем, как и водить машину...

– А чем ты занималась?

– Ничем, – ответила я, недовольная тем, что зашел разговор о Микаэле, – я следила за собой, ходила по магазинам, сопровождала его на разных мероприятиях, или просто весь день ждала, пока он вернется с работы...

– И тебя это устраивало?

– Нет, но перечить ему я не имела права... – я тяжело вздохнула. – Но зато теперь я могу делать все, что хочу, а я хочу провести этот вечер с тобой и больше не говорить о нем.

Мы поужинали, опустошили две бутылки шампанского, и Вова расслабился, отчего и мне стало не так некомфортно. После, мы устроились на диване под пледом и посмотрели любовную мелодраму.

– Ну, как тебе фильм? – спросила я, сдерживая слезы. – Очень печально, правда?

– Только ради тебя, – улыбнулся Вова, – я вытерпел этот кошмар только ради тебя.

– Как ты можешь быть таким бесчувственным? – ужаснулась я.

Он ничего не ответил, посмотрел на меня с нежностью и ласково вытер слезинку с моей щеки.

– Это не стоит твоих слез... – прошептал он и поцеловал меня в губы. Он был так ласков, что я почувствовала прилив желания. – Покажешь мне свою спальню?

– Покажу, – согласилась я.

Я стояла перед ним и почему-то чувствовала легкое волнение. Между нами это происходило не впервые, но в этот раз все было иначе. Сейчас это не был секс на скорую руку, это больше не было лишь физической потребностью, в этот раз все было по-настоящему. Я знала, что нравлюсь ему, знала, что я для него нечто больше, чем просто очередная девушка. И за те полтора месяца, что мы встречались, он стал для меня чем-то большим, чем попыткой забыть Микаэля. Между нами было доверие, уважение, стабильность, нам было хорошо вместе, спокойно, комфортно. Нет, я не любила его, и что с того? Может я вообще больше никогда и никого не смогу полюбить, но ведь это не значит, что я должна до конца жизни прозябать в одиночестве. Вова идеально подходил мне, он был моим лучшим вариантом, он был моей гаванью, где я могла бросить якорь и отдохнуть от беспокойного, бурлящего океана, в этой гавани я могла оправиться от пережитого шторма...

– Я никогда прежде не встречал таких как ты... – тихо сказал Вова, глядя мне в глаза, наклонился и ласково поцеловал меня в губы. Я прильнула к нему, впервые отчего-то робея, впервые отдавая ему право быть сильным мужчиной, становясь при этом слабой женщиной.

– Чем же я отличаюсь от других?

– Всем, – коротко ответил он, – ты зацепила меня и даже не представляешь, насколько сильно... – его руки стали не спеша расстегивать пуговицы на моей кофточке, а когда с этим было покончено – его ладони накрыли мою обнаженную грудь, и я возбужденно выдохнула, наслаждаясь его прикосновениями. Он провел рукой по моему животу и расстегнул мои джинсы, после чего нырнул прямо в мои трусики и коснулся меня там, так, что я ухватилась за его плечи, боясь не устоять на ногах от блаженства

.Как бы мне не хотелось, чтоб он ублажал меня, я должна была позаботиться и о его удовольствии, и я тоже коснулась его возбужденного члена, мягко поглаживая его через брюки. Вова снова поцеловал меня, и я с желанием ответила, думая о том, как мне не хватало не просто секса, а настоящей близости, не хватало достойного мужчины в моей просторной спальне, тепла в моей холодной постели. На мгновение он отпустил меня и обошел, оказавшись сзади. Его руки снова вернулись на мою грудь, а его губы лобзали мою шею и плечи. Я застонала, и поцелуи стали ощущаться ниже, приходясь между лопаток, по позвоночнику. Я вздрагивала от остроты ощущений, постанывала, чувствуя, как пересохло во рту, слыша, как восторженно тарабанит мое сердечко. Вова опустил на колени, стянул мои джинсы, а за ними и трусики, и продолжил целовать мою спину, ощупывая мои бедра. Я уже и вовсе не помнила себя от блаженства, мой разум затуманился, мысли исчезли. Остались только я, и он, его ласки, его влажные губы, его прерывистое дыхание и мои сладострастные муки... Теперь Вова стал целовать мои ягодицы, и я громко застонала, возможно даже вскрикнула, от того, как хорошо мне было.

– Я готова, милый... – с мольбой прошептала я, – я уже готова...

Он быстро разделся, положил меня на кровать и раздвинул мои ноги. Его пальцы скользнули туда, где было горячо и влажно, а я уже извивалась, мечась по постели, желая более решительных действий. Наконец он оказался надо мной и медленно проник вовнутрь. Я ухватилась за его плечи, подалась ему навстречу, разрешая войти глубже, разрешая ему взять меня всю без остатка.

– Не закрывай глаза, любимая, смотри на меня, будь со мной... – попросил он, двигаясь во мне, и я открыла глаза. Вова – такой молодой, полный сил, такой красивый, мечта любой девушки. Он со мной, в моей постели, он прямо внутри меня... Его член доставляет мне удовольствие, его тяжелые вздохи пробуждают во мне еще большее желание, его сладкие слова располагают меня, льстят мне, просят меня любить его и принадлежать ему...

Но я люблю другого... Я принадлежу другому...

– Ты моя, Анна, моя, моя... – голос Микаэля, низкий, холодный, жадный. – Ты принадлежишь только мне, ты всегда будешь моей, и это никогда не изменится. Я тебя никогда не отпущу, никогда, никогда...

– Никогда... – выдохнула я.

– Что никогда, милая? – спросил Вова, не переставая целовать мою шею.

– Хорошо как никогда, – соврала я, и он с еще большим энтузиазмом стал ублажать меня.

Микаэль... собственник, ревнивец, не желающий делить меня никогда и ни с кем... мой жадный, мой эгоистичный, мой единственный. Я навеки твоя, и неважно кто владеет моим телом – моей душой, моим сердцем владеешь только ты...

– Анна, родная, я уже скоро, – простонал Вова.

– Я тоже, уже, – я стала громко стонать, извиваться, сжиматься, а он тоже подхватил, застонал громче, замер... Он выскользнул, и кинулся к моим губам, а я ответила на его поцелуй, а потом мы довольно заулыбались друг другу. Вова был рад, что смог ублажить меня, а я радовалась, что он не раскрыл мою фальшь. Так, впервые в жизни я симитировала оргазм.

– Тебе все понравилось? – спросил Вова, когда мы отдыхали.

– Конечно, ты был очень внимателен ко мне, спасибо.

– Спасибо тебе, – улыбнулся он. – Устала?

– Нет, не устала.

– Сейчас только десять, может сходим куда-нибудь? – предложил он.

– Завтра на работу...

– И что?

– Ладно, если ты хочешь, – согласилась я. – Куда пойдем?

– Может на дискотеку?

– Хорошо, но только немного позже... – я опустила руку на его член и стала играть с ним, приводя его в чувства. Вова не сопротивлялся – он снова передал инициативу в мои руки. – Какой он у тебя огромный... – нагло солгала я, и результат не заставил себя долго ждать. Член окреп, и Вова поспешно натянул презерватив. Я оседлала его, оперлась руками о его накачанную грудь и стала двигать бедрами. Я была возбуждена и жаждала получить долгожданную разрядку. Я двигалась медленно, потом быстрее и чувствовала, что мой оргазм где-то совсем рядом и в то же время где-то невероятно далеко.

Мысли о Микаэле снова влезли мне в голову, и я никак не могла от них избавиться. Вова, я с ним, я должна думать о нем... какое у него накачанное тело, как он силен, как красив... Нет, по правде, Микаэль красивее Вовы в тысячу раз. Он харизматичный, обаятельный, элегантный... Он такой мужественный, он такой властный, настоящий самец... Он владел мною сильно, страстно, эгоистично, как дикое животное... Он мог бесцеремонно

взобраться на меня, не спрашивая на то позволения, распоряжаясь моим телом в собственных интересах. Он был груб со мной, относился ко мне лишь как к дырке, он не считался со мной, и, черт возьми, как же меня это заводило... Вова громко выдохнул, и я вырвалась из своих мыслей и вернулась в реальность. Вова не Микаэль... И это хорошо, но только не в постели...

– Ты бы мог взять меня сзади? – попросила я, надеясь на то, что если не буду видеть его лица, то смогу представлять себе Микаэля, и может тогда, наконец, дойду к финишу.

Вова согласился, и я встала на четвереньки, а он пристроился сзади и вошел.

Сколько раз Микаэль брал меня вот так, он хватал меня за волосы, мог больно шлепнуть меня по бедру или сжать мое горло, так что наш секс напоминал скорее животное сношение, нежели акт любви... Иногда он доставлял мне боль, проникая слишком резко и слишком глубоко, я сжималась, выталкивала его из себя, но его это только больше заводило, и он брал меня еще яростнее, с еще большим желанием и жадностью... Вова же двигался медленно, как-то неуверенно, робко, так что я едва чувствовала его в себе, прислушиваясь к слабым ощущениям, пытаюсь словить едва заметные вспышки удовольствия.

– Возьми меня сильнее, милый... – отчаянно попросила я, – быстрее...

Да, немного сильнее, немного быстрее, но толку от этого немного. Я уже потеряла надежду, растеряла возбуждение и желание, и теперь просто ждала, когда он закончит. Почему у меня не получается? Может, я поспешила, может новый мужчина в моей жизни появился слишком скоро? Мое тело жаждет удовольствия, жаждет блаженства, оно тянется к Вове, вожделеет к нему, но морально я еще не оправилась, я все еще чувствую себя так, словно изменяю, словно снова предаю Микаэля... Но я свободна! Я имею право на эти отношения, имею право на секс с этим мужчиной, имею право на счастье... Мне просто нужно еще немного времени и все обязательно получится, а пока... пока я еще раз симитирую оргазм.

Мы вернулись ко мне около двух часов ночи. На дискотеке мы отлично повеселились, натанцевались, выпили, и теперь я чувствовала страшную усталость и просто валилась с ног. Мы легли в постель и вскоре уснули. Вова больше не требовал секса, а я этому только радовалась, потому что третьего разочарования за одну ночь я бы не перенесла.

– Анна, солнышко, вставай, – Вова нежно поглаживал меня по щеке и я с трудом проснулась. – Доброе утро, я приготовил тебе завтрак. Кушай, а я в душ.

– А ты разве не будешь?

– Нет, я утром только пью кофе, – Вова поцеловал меня и пошел в ванную. Я посмотрела на прикроватный столик, где стоял поднос с едой: два жаренных яйца, бутерброд и чай. Полусонная я поковыряла в тарелке, потом поняла, что последнее чего мне сейчас хочется – это завтракать, и стала собираться на работу.

Вова был очень милым, очень заботливым... не очень умелым любовником, но он хороший человек, он будет кому-то хорошим мужем и отцом, может быть даже он будет моим

мужем и отцом моих детей... но пока об этом думать слишком рано. Он идеальная партия для меня, он как раз то, что мне нужно.

Я открыла шкаф, ища, что бы надеть на работу, и мой взгляд остановился на платьях. Я коснулась их, думая о том, что мне, возможно, больше не представится случая их надеть. Эти платья были куплены мне Микаэлем, и стоили они столько, что за эти деньги, наверное, можно было купить квартиру... Платья от известных дизайнеров, из дорогих тканей, из тончайших кружев, расшитые драгоценными камнями... С Микаэлем я могла бы надеть их на торжественный прием, на благотворительный вечер, на открытие очередного отеля, или же просто на ужин в ресторан. Но без Микаэля они больше не имеют смысла... С Вовой мне не будет куда так наряжаться, да и рядом с ним, я во всем этом великолепии, буду смотреться нелепо. Он слишком прост, слишком обыден, и моя жизнь с ним будет такой же. Я тяжело вздохнула и решительно закрыла шкаф. Это всего лишь вещи. Что толку от легкого, струящегося шелка, если тебя в нем волокут по земле, сдирая колени в кровь?..

После уроков я зашла к Вове в спортзал. Там тренировалась футбольная команда, а Вова был их тренером, но увидев меня, он оставил мальчишек и вышел ко мне в коридор.

– Ты уже закончила? – спросил он, обнимая меня и целуя в губы.

– Закончила, а тебе еще долго?

– Да, солнышко, еще часа два, тренировка только началась.

– Тогда я поеду домой и немного посплю, голова болит весь день, после вчерашней гулянки.

– Хорошо, отдыхай, – он все еще держал меня в своих объятьях, и теперь уже целовал меня в шею.

– Ну, Вов, вдруг дети увидят, – я немного отстранилась от него, хотя его ласки пришлись мне по вкусу.

– Здесь никого нет, – ответил он, покусывая мочку моего уха.

– Ай, щекотно, – рассмеялась я и освободилась из его рук, отходя на безопасную дистанцию. – Все, жду тебя дома.

– Дома? – нежно улыбнулся он, – мне нравится, как это звучит.

– Мне тоже, – согласилась я. – Сегодня утром, когда мы вместе собирались на работу... это было так здорово... Мне понравилось торопиться с тобой, спрашивать, все ли ты взял, понравилось стоять с тобой в пробке...

– Мне тоже, Анна, – кивнул он, – мне очень комфортно рядом с тобой, и у меня такое чувство, что мы вместе уже целую вечность, что я знаю тебя уже давно, и мы понимаем друг друга с полуслова, заметила?

– Да, точно, – снова согласилась я. – Не знаю, не поспешное ли это решение, но может... нам уже стоит жить вместе, что скажешь? – спросила я, подумав, что, наверное, уже к этому готова, и может даже этого хочу.

– Хочешь, чтоб я переехал к тебе? – удивился Вова.

– Да, только если и ты этого хочешь.

– Я хочу, – сказал он.

– Тогда решено, и я жду тебя у нас дома, – улыбнулась я.

– Хорошо, милая, жди, я постараюсь вернуться поскорее, – Вова поцеловал меня на прощание и отпустил. Я шла, но знала, что он смотрит мне вслед. Я обернулась и помачала ему на прощанье.

– Я люблю тебя, – вдруг сказал он, и я шокированная, замерла на месте. Нет, я пока не могла ответить ему тем же, поэтому просто послала ему воздушный поцелуй и ушла. Любит? Вова меня любит... Когда он говорил это, он весь светился от счастья... а я? Нет, я его еще не люблю, но он мне очень нравится, и я, пожалуй, тоже счастлива.

По пути домой я заскочила в магазин и купила кое-какие продукты, решив, что вместо дневного сна лучше приготовлю ужин для своего парня, как следует накормлю его, а потом отдамся ему, и может сегодня, когда мне так хорошо и радостно, у меня получится испытать наслаждение. Держа пакет с продуктами, я открывала дверь своей квартиры и вдруг осознала, что думаю только о Вове, и совершенно забыла о Микаэле. Сейчас мне было так хорошо, что вспоминать о нем вовсе не хотелось. Пусть прошлое остается в прошлом, а у меня сейчас счастливое настоящее и надеюсь светлое будущее, с надежным, заботливым, прекрасным новым мужчиной...

Я переступила порог и пакет с продуктами выпал из моих рук, а я оторопело замерла, широко раскрыв глаза от удивления. Мое сердце неистово заколотилось, дыхание сперло, душа ушла в пятки... Это чья-то неудачная шутка или дурной сон, это все что угодно, но только не реальность. Этого просто не может быть! Это... Я наконец смогла вдохнуть, и теперь из глаз ринулись слезы. На столике в прихожей, куда я обычно бросала ключи, стояла ваза с огромным букетом белоснежных роз. Я коснулась их дрожащей от волнения рукой, и да, они оказались настоящими. Красивые, приятно пахнущие, с капельками влаги на мягких лепестках... эти белоснежные розы были для меня, и я знала, от кого...

Как? А, точно, у него ведь есть ключи от моей квартиры... Но мы расстались и он больше не имеет права пользоваться ими! Он не имеет права вот так бесцеремонно врывать в мой дом, в мою жизнь, он не имеет права появляться тогда, когда я его уже не жду, когда я едва ли оправилась и встала на ноги, когда он мне больше не нужен, когда я впервые за долгое время счастлива!

К букету прилагалась записка, и я уговаривала себя не читать ее, потому что как только я прочту ее – он проникнет в мои мысли, и я больше не смогу от него избавиться. Он снова завладеет мной, я снова окажусь у его ног, я снова потеряю себя, я растворюсь в нем, увязну в слезах и боли...

– Я ненавижу тебя, ненавижу! – закричала я, схватила вазу и понесла ее на балкон. – Я выброшу ее, вместе с розами, вместе с запиской, я не позволю тебе снова все испортить, я не позволю тебе терзать меня, не позволю разрушить то, что я так усердно создавала.

Вова, наш с ним дом, уют, комфорт, идиллия...

– Я люблю тебя, сказал он, и был так счастлив, и я с ним была счастлива, так что нет, Микаэль, слишком поздно, я уже научилась жить без тебя, я впустила в свою жизнь другого мужчину, я впустила этого мужчину в себя, и теперь я с ним, я принадлежу ему!

Ваза долго летела вниз с пятнадцатого этажа, со звоном разбилась об асфальт, розы разлетелись, осыпались белоснежные лепестки...

Почему сейчас? Почему не тогда, когда я умирала от боли, когда я не могла ни спать, ни есть, ни даже дышать без него? Почему не тогда, когда он был моим единственным желанием, моим смыслом, моей самой большой мечтой? Почему не тогда, когда я ломилась в двери от желания увидеть его, пасть к его ногам, молить пощады, почему не тогда, когда я ревела во все горло, так что пропадал голос, заканчивались слезы, исчезало все вокруг кроме его имени, почему не тогда, почему теперь?

Теперь он ворвался в мою жизнь, как ветер в распахнутое окно, как ураган, сносящий все на своем пути, всеразрушающий, крушащий, оставляющий после себя хаос...

Это несправедливо, это нечестно по отношению ко мне, по отношению к Вове, по отношению к моей матери, на груди которой я снова буду искать утешения...

Прощай, Микаэль Фаррелл, прощай, потому что теперь уже слишком поздно что-то менять, потому что теперь это точно конец.

Я рухнула на пол, и плакала, плакала, плакала...

Я изменилась, стала сильной, решительной, гордой... но это не мешало мне бежать по лестнице вниз, на улицу, под окна своей квартиры, это не мешало мне судорожно копаться в осколках и изувеченных цветах в поисках записки...

Вот она, намокла, расплылись чернила, но все же мне удалось распознать ровный, хорошо знакомый подчerk.

Поедим? Сегодня в 16.30.

Микаэль.

Зовет, знает, что я приду, знает, что я прибегу к нему, знает, что я не умею говорить ему нет. Но я изменилась, и да, я пойду на ужин с ним, но только для того, чтоб показать ему, какой сильной я стала, чтоб показать ему, что я больше не та Анна, которую он знает, я другая, я самодостаточная, я уверенная в себе, и теперь, я могу за себя постоять.

Я взглянула на часы: 15:05. У меня всего час на сборы, нужно поторопливаться. Я завела машину и поехала в ближайший салон красоты, а по дороге набрала номер Вовы.

– Милый, привет, слушай, тут такое дело... Мне позвонила мама и сказала, что отец себя плохо чувствует, я должна ехать к ним.

– О Боже, ему очень плохо? – встревожился Вова.

– Плохо, – солгала я, и мне было очень стыдно за свою ложь, и я мысленно молилась за папу, чтоб мои слова не стали пророческими, но другого выхода у меня не было. Как иначе мне ускользнуть на свидание с Микаэлем? – Я уже еду к ним, так что пока отложим наши планы, до того, как я вернусь, хорошо?

– Конечно, не беспокойся об этом. Главное, чтоб он поправился... Может, тебе нужна поддержка, может, мне стоит поехать с тобой?

Вова, слишком хороший, слишком добрый, я на него не заслуживаю.

– Спасибо, дорогой, – искренне поблагодарила я, – ты у меня такой заботливый, ты самый лучший...

Я вернулась из салона и как угорелая носилась по квартире, оставляя после себя бардак. 16:20. Все, кажется готова. Я встала у зеркала, выдохнула и еще раз внимательно рассмотрела себя. В салоне меня постригли, сделали удлиненное каре с челкой, и теперь, с новой прической я выглядела еще более юной, но в то же время очень стильной и даже немного дерзкой. Я выбрала элегантное платье из красного бархата, с декольте в форме сердца, приталенное, и с пышной юбкой ниже колен. Рубиновое кольцо дополняло образ, оно выглядело слишком массивным на моей тонкой шее. Я набросила черный полушубок, так как на дворе был конец октября, и вечером было достаточно прохладно, и черные ботинки. Задрав подол платья – я поправила чулки, потом подкрасила губы красной помадой и вышла из дому. Внизу меня уже ждала машина, меня встречал посланник Микаэля, а его самого, как я и предполагала, не было.

– Мисс Анна, добрый вечер. Мистер Фаррелл ждет вас, я буду вас сопровождать.

– Спасибо, – кивнула я, и села в машину. Мы ехали быстро, а я волновалась, чувствовала, как подступает паника, так что меня аж подбрасывает от нервов. Я собиралась в такой спешке, что теперь уже сомневалась, что приняла взвешенное решение, когда согласилась поужинать с ним. И что это за ужин в половине пятого? Скорее обед. Мы остановились и мне открыли дверцу.

– Прошу вас, мисс, следуйте за мной.

Я послушно поплелась за моим сопровождающим, удивлено раззираясь по сторонам. Какое-то время я не могла понять, что это за место, пока, наконец, не сообразила, что меня привезли в аэропорт.

– Мы будем встречать мистера Фаррелла здесь? – растерянно спросила я, предположив, что Микаэль должен вернуться из командировки.

– Нет, мисс, вы полетите к нему.

– Я? Но у меня нет с собой документов, я не могу никуда лететь, – возразила я, совершенно сбита с толку.

– Не стоит волноваться, мисс, ваши документы со мной.

Я удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Наверное, он взял их, когда принес цветы. С ума сойти, рискует в моем доме, как будто так надо...

Мы быстро прошли контроль, вся регистрация на рейс заняла не более пяти минут, и вот нас уже проводят к самолету. Мы поднялись по трапу, нас встретили до невозможного приветливые стюардессы, и когда мы оказались в салоне, я поняла, что мы единственные пассажиры на борту. Мой сопровождающий сел в дальнем конце салона, чтоб не мешать мне, а я устроилась в мягком кресле, и вскоре самолет поднялся в небо.

Я с нетерпением ждала привычного монолога пилота, который бы разъяснил мне, куда мы летим, но он молчал.

– Куда мы летим? – поинтересовалась я у стюардессы, которая принесла мне бокал шампанского.

– Простите, я не могу сказать, – вежливо улыбнулась она, – желаете перекусить?

– Нет, спасибо.

– Может быть вам что-нибудь нужно? В салоне достаточно тепло, но у нас есть теплый плед, или может быть, вам принести что-то почитать?

– Нет, спасибо, я скажу, если что-то понадобится.

– Хорошо, я буду рядом. Приятного полета.

Наконец меня оставил в покое, и я устроилась в окно, медленно попивая отличное шампанское, думая о мужчине, который так хотел увидеть меня, что для этого даже нанял частный самолет.

Зачем эта встреча? Чего он хочет? Чего ждет от меня? Может просто хочет повидаться, убедиться, что у меня все в порядке, просто из вежливости? Вряд ли. Хочет вернуть меня? Разве это возможно? Я больше не хочу таких отношений, которые у нас были, а начать все с самого начала вряд ли получится... Так чего ему надо? С чего вдруг ему захотелось повидаться? Почему именно сейчас? Может что-то случилось, может он болен? Я вдруг рас-переживалась от этой мысли и оглянулась. Мой попутчик сидел, спокойно глядя в окно.

– Извините, – обратилась к нему я через весь салон. Он тут же поднялся и подошел ко мне.

– Чем могу помочь, мисс? – учтиво спросил он.

– Я хотела спросить: мистер Фаррелл здоров? У него все хорошо?

Он удивился, немного замешкался, потом ответил.

– Да, мисс, насколько я знаю, у мистера Фаррелла все в порядке.

– Спасибо, – с облегчением вздохнула я.

Господи, храни моего мужчину, дай ему крепкого здоровья и долгих лет жизни, – помолилась я про себя, все же немного переживая.

Я выпила еще один бокал шампанского, снова посмотрела на часы, заметив, что делала это всего пять минут назад. Время тянулось слишком долго, я больше не могла сидеть на месте, этот полет уже длился целую вечность...

– Пристегните пожалуйста ремень, мы идем на посадку, – объявила стюардесса и я чуть не запрыгала от радости.

Наконец-то, наконец-то, еще немного, и эта загадка раскроется. Я наконец узнаю куда меня привезли и зачем.

Полет длился три часа пятнадцать минут, и мы удачно приземлились. В аэропорту я уже догадалась, где я, и это было лучшее место на всей земле. Меня снова усадили в машину, и мы поехали, а я восторженно рассматривалась по сторонам.

Еще только этим утром я думала, что меня ждет скучная, обыденная жизнь. Да, с Вовой, возможно, но только не с Микаэлем. Только этот мужчина мог превратить обычный ужин в сказочное приключение. Стоило ему лишь захотеть – и я лечу к нему на частном самолете, я снова в роскошном платье, я мчусь в дорогом автомобиле, мерцающими улицами Парижа.

Мой сопровождающий шел немного впереди меня, указывая дорогу, но я уже и сама знала куда идти. Я узнала бы его среди сотен тысяч других мужчин, я бы могла найти его с завязанными глазами, я бы никогда и ни с кем его не спутала, потому что такой мужчина был всего один на всем белом свете.

– Спасибо, дальше я сама, я его уже вижу.

– Хорошо мисс, приятного вечера.

Боже, до чего же красиво! Нет, не эта площадь, и не Эйфелева башня, а одинокий силуэт мужчины у ее подножья. Он стоял ко мне спиной, задумчивый, сдержанный. Если он и волновался, то никак не выдавал своего волнения, а я вся дрожала, меня знобило, бросало то в жар то в холод, мое сердце стучало так, что казалось его стук слышат все, а не только я. И вот я уже совсем близко... Мой мужчина, некогда мой мужчина, ждет меня в ослепительном сиянии самой знаменитой достопримечательности мира, которая меня сейчас совершенно не интересует, потому что я не вижу, не замечаю ничего, кроме него. И вот, я останавливаюсь в двух шагах... дрожу, млею, умираю...

– Микаэль... – шепчу я. Он оборачивается... Боже, как он прекрасен! Как он невероятно хорош! В черном кашемировом пальто, с шелковым шарфом на шее, ботинки сверкают блеском, его седые волосы аккуратно причесаны, но немного растрепаны ветром, его голубые глаза, как два океана...

Он смотрит на меня оторопело, словно не узнает, может быть всему виной моя новая прическа, а может, он просто не может насмотреться, долго рассматривает меня, и под его пристальным взглядом я сгораю, я теряюсь, я исчезаю... Наконец он легко улыбается, отчего в уголках его глаз появляются милые, такие любимые мною морщинки.

– Анна... – его голос грубый, низкий, но такой мягкий и родной. Только в его устах мое имя звучит как прекрасная мелодия... Он приближается, легко приобнимает меня и я чувствую запах его духов, не тех что прежде, других, еще более терпких и приторных, я улавливаю сладкий аромат его тела. Он наклоняется, его губы нежно, и в тоже время неистово сильно целуют мою щеку, и в этот момент я понимаю, что никогда прежде не любила его сильнее, чем люблю его сейчас...

– Как долетела?

– Хорошо, спасибо.

Мы стояли, рассматривали друг друга, такие родные и чужие одновременно, вместе нам было комфортно и как то неловко, волнительно, и в то же время невероятно спокойно...

– Я не был уверен, что ты согласишься, но рад, что ты все же здесь... – сказал он, и я поняла, что он волновался, он ждал меня, он хотел увидеть меня, очень хотел. – Пойдем, – я взяла его под руку, и он повел меня к одной из ножек башни. Мы поднялись на лифте на второй ярус и оказались в роскошном ресторане под названием Жуль Верн. Микаэль снял пальто, и теперь я увидела, что на нем был элегантный черный костюм, белоснежная рубашка, золотые запонки с инициалами М.Ф., он был без галстука, и выглядел очень солидно, но не слишком официально. Он помог раздеться мне, и я словила на себе его восторженный взгляд.

– Ты обворожительна, – выдохнул он, бесцеремонно рассматривая мои обнаженные плечи и декольте.

– Спасибо, – ответила я, смущаясь, заливаясь румянцем, – ты тоже очень красив.

Нас провели к лучшему столику у окна, откуда открывался потрясающий вид на Париж, Микаэль отодвинул мой стул, приглашая присесть, потом устроился сам и перекинулся парой слов с официантом, заказывая ужин.

– Ты будешь белое вино или красное?

– Красное, пожалуйста.

Он сделал заказ, и мы остались одни.

– Я даже понятия не имела, что в башне есть ресторан... – сказала я, не скрывая восторга от происходящего этим вечером.

– Ты невероятно хороша, Анна... – томно сказал Микаэль, продолжая пожирать меня взглядом. Я снова залилась краской, робея. Его слова, его взгляд пробуждали во мне желание, и я сильно сжала ноги, пытаюсь унять неуместное возбуждение.

– Здесь так высоко, – продолжила я, оставляя его комплимент без внимания.

– Да, кажется 125 метров.

– Ого, – удивилась я, – ты бывал здесь раньше?

– Да, кухня мне не очень нравится, ничего особенного, но сюда стоит прийти хотя бы ради этого вида.

– Да, здесь просто невероятно...

Микаэль улыбнулся, глядя на меня снисходительно, как на маленького ребенка, умиляясь моему восторгу.

Нам налили вина, подали ужин, и я принялась за еду, почувствовав, что ужасно проголодалась. Я весь день ничего не ела, если не считать того, что я поковырялась в завтраке, приготовленном мне Вовой. Вова... я и забыла о нем... я сейчас, рядом с Микаэлем, в самом сердце Парижа, а Вова где то далеко, в другой жизни, в серых буднях, в мире, где все просто, скучно, обыденно, в мире, где нет места волшебству...

– Вижу, тебе их кухня пришлась по вкусу, – подметил он, радуясь тому, с каким аппетитом я ем. А мне уже давно не было так вкусно, я уже давно не испытывала такого интереса к еде. После нашего расставания я заставляла себя есть, силовала себя, а теперь, когда Микаэль был рядом, все снова обрело свой вкус...

– Извини, я просто сегодня ничего не ела, – смутилась я.

– Ешь, ешь, – сказал он, пододвигая ко мне тарелку с салатом из морепродуктов, – так нельзя, Анна, нужно питаться правильно.

Ну вот, снова строгий, поучительный отцовский тон, от которого я так отвыкла.

– Я уже взрослая девочка, Микаэль, не надо меня учить, – недовольно фыркнула я.

– Да, я вижу какая ты взрослая, – нахмурился он, недовольный моим дерзким тоном. – Ты слишком худая и бледная.

– Я плохо выгляжу? – изумилась я.

– Нет, но ты слишком худая и бледная, – повторил он, – нужно есть больше витаминов.

– Мы можем закрыть эту тему? – раздраженно бросила я, делая глоток вина. – Я хочу просто поужинать, а не слушать лекцию о правильном питании.

– Следи за своим тоном, Анна, – сказал он резко, и я вся сжалась. Ко мне вмиг вернулся страх, я почувствовала себя слабой, беспомощной, мне захотелось расплакаться... но я вспомнила, что теперь я изменилась, теперь я сильная, я уверенная в себе, я могу за себя постоять, Микаэль больше не имеет власти надо мной.

– Следи и ты за своим тоном, если не хочешь испортить вечер, – я старалась говорить спокойно, но внутри меня все дрожало, сердце колотилось как сумасшедшее, ладошки стали влажными.

Он разозлился на меня, я это видела. Ему не понравилось то, что я могу дать ему отпор, ему не понравилось то, что я не покоряюсь ему как раньше, что я не молчу, что я не склоняюсь перед ним.

– Мне нужно в дамскую комнату, – сказала я, поднимаясь. Я оставила его одного, чтоб он немного остыл, да и мне нужно было взять себя в руки и успокоиться.

Когда я вернулась, Микаэль смотрел в окно, медленно попивая вино.

– Ты будешь десерт? – спросила я.

– Нет, не хочу, – ответил он, по-прежнему не глядя на меня.

Я взяла вилку, отломилась кусочек торта и отправила его себе в рот. Пусть дуется сколько угодно, я не стану обращать на это внимания. Это ж надо, как его выводит из равновесия моя непокорность, ну что ж, это его проблема, не моя.

– Ну, расскажи мне, как поживаешь, – попросил он, откинувшись на спинку стула. Он совладал с собой и теперь был готов продолжать наш вечер.

Что мне ему сказать? Стоит ли говорить о своих новых отношениях, о Вове? Конечно стоит, если я хочу, что б он его убил, тогда непременно нужно рассказать Микаэлю о своем новом мужчине, и о том, что сплю с ним. Ладно, пожалуй, об этом я пока умолчу...

– Я работаю, устроилась учительницей в школу, получаю нормально, но думаю, все же возьму себе несколько учеников – лишние деньги не помешают. А еще я закончила автошколу и теперь могу сама водить машину, уже получила права.

Микаэль недовольно нахмурился, но ничего не сказал.

– Ты мог бы порадоваться моим успехам, хотя бы ради приличия, – упрекнула я.

– Ты знаешь, как я к этому отношусь – женщине за рулем не место, и нечему тут радоваться, Анна. Мне не до приличия, когда речь идет о твоей безопасности.

– Я хорошо вожу, я всегда пристегиваю ремень, так что не о чем беспокоиться. Как же люди ездят на машинах, и ты едешь, чем я хуже других?

– Мне плевать на то, что делают другие, – холодно бросил он, – ты этого делать не должна.

Ну вот, он снова диктует мне свои правила, говорит мне, что я должна, а чего нет, и снова этот поучительный отцовский тон, а я снова чувствую себя ребенком.

– Так или иначе, но у меня есть права, и я буду водить машину, потому что мне это нравится, и потому что я так хочу, – решительно заявила я.

Микаэль нахмурился еще больше, его руки сжались в кулаки, а я ела тортик, не обращая внимания на его выпады. Пусть хоть лопнет от злости, я свободный человек и могу делать то, чего мне хочется, и мне не требуется его одобрение.

– Ты разозлился, но не удивился... – подметила я.

– О чем ты? – не понял он.

– О твоей реакции: тебе не понравилось то, что я сказала, но ты не был удивлен.

– Ты же не думала, что я оставлю тебя без присмотра, правда? – усмехнулся он.

Боже, он знает, он все знает, ему все про меня докладывали! А о Вове он тоже знает? Может поэтому он появился сразу после того, как я привела в дом другого мужчину? Нет, надеюсь, что нет, надеюсь, что это лишь совпадение.

– У меня все хорошо, тебе не стоит переживать за меня и не стоит меня опекать... – начала я, а потом запнулась, подумав, что моя жизнь и правда складывалась слишком гладко. – Ты помогал мне? – спросила я, и по его глазам поняла, что да, помогал.

– Давай не будем об этом.

– Нет, скажи, я хочу знать, – настояла я.

– Самую малость, – кивнул Микаэль.

– А если конкретнее?

– Конкретнее? Уверенна, что стоит это обсуждать?

– Да, я хочу знать, в чем именно не обошлось без могучей руки Микаэля Фаррелла.

– Я скажу, но только это тебе не понравится, – предупредил он.

– Ну, говори, не томи, я готова.

– Я помог с работой, ведь у тебя нет опыта, и позаботился о ежемесячных премиях, потому что зарплата небольшая. И раз уж ты решила пойти в автошколу, то я нашел для тебя лучшего инструктора по вождению...

– А сопрограмма, в которую якобы попал мой отец, где ему бесплатно выдают лекарства и та путевка в санаторий, где он проходил лечение летом?

Микаэль кивнул, а я уже даже не знала, злиться мне или благодарить. Все это время я даже не знала, вспоминает ли он обо мне, а он был рядом, он поддерживал меня даже в том, чего не одобрял, он опекал меня, оберегал...

– Значит, все мои успехи, все, чем я так гордилась, всем этим я обязана тебе?

– Ты мне ничем не обязана, и ничего мне не должна. Я делал это не для того, чтоб просить что-то взамен, а потому что должен.

– Ты мне больше ничего не должен, Микаэль. Мы расстались, – напомнила я.

– Не важно, вместе мы или нет, я всегда буду заботиться о тебе.

Что ж, спорить с ним нет смысла, остается только принять это и поблагодарить.

– Спасибо, – сказала я, и он кивнул, принимая мою благодарность. – А как ты?

– Я нормально, – пожал плечами он.

– Ты одинок, или у тебя уже кто-то есть?

Я замерла в ожидании его ответа, почему-то боясь того, что он скажет, что встретил кого-то. Меня уже накрыла волна ревности, перед глазами промелькнула картина, как он с другой женщиной, как он ее целует, любит, как он с ней счастлив...

– Нет, мне кажется, после нашего расставания прошло слишком мало времени, для того, чтоб заводить новые отношения, – сказал Микаэль, как мне показалось с упрёком.

Он знает о Вове, он знает...

– Ну, мы свободные люди... – как бы в свое оправдание сказала я. Микаэль снова нахмурился, весь напрягся, и я видела, как нервно играют его скулы. – Как Дон? – поспешила перевести тему я.

– Встречается с девочкой.

– Да? И что, у них все серьезно?

– Не знаю, он почти не делится со мной, но о свадьбе пока разговоров нет. Она модель, недавно приезжала в Париж на съемки, и я встретился с ней, мы поужинали вместе, после чего мне позвонил Дон, весь в истерике, требовал, чтоб я держался подальше от его девушек, – Микаэль засмеялся, я тоже улыбнулась, напряжение между нами наконец-то спало.

– Ну да, у него был горький опыт.

– Да, но я просто хотел побольше узнать о ней, понять, кто она, и что из себя представляет. Я беспокоюсь за Дона, он ведь мой сын...

– Тебе стоит почаще ему об этом говорить. Не все умеют читать твои мысли, некоторым нужно слышать, что ты их любишь и заботишься.

– Я стараюсь, но мне с ним тяжело, он очень упертый и...

– Он твое отражение, он такой же, как ты, но он мягче и он быстро забывает плохое, он умеет прощать...

– Да, он славный парень, и я горжусь им, горжусь тем, что он мой сын. И ладно, так уж и быть, я скажу ему об этом, как только представится удобный случай.

Я удовлетворенно кивнула, и протянула ему кусочек торта.

– Попробуй, очень вкусно.

Может он и не хотел десерта, но с моих рук съел всю порцию.

– Как Илья?

– Нормально, суд уже состоялся, опеку присудили ему. Ира может видаться с ребенком только по выходным и только в присутствии Ильи.

Мне на секунду стало жаль Иру, но потом я вспомнила, что и она отобрала у меня самое ценное, что у меня было, и жалость исчезла.

– Она это заслужила.

– Согласен, – кивнул Микаэль, – ты наелась?

– Да, очень, спасибо.

– Я тоже. Тогда попрошу счет, и пойдем, у меня есть еще кое-что для тебя. Расплатившись, мы сели в лифт, но не опускались вниз, а наоборот поднимались вверх.

– Только не говори, что мы поднимаемся на самый верх! Ты же знаешь, как я боюсь высоты.

– Не волнуйся, там ограждение, ты не упадешь, – улыбнулся он, – к тому же я буду рядом, я буду держать тебя за руку, если хочешь.

– Захочу, можешь не сомневаться.

Наконец мы вышли на смотровую площадку. Как Микаэль и говорил, всюду было ограждение, но я все равно испуганно схватилась за его руку, чувствуя, что ноги подкашиваются от страха, а внутри все холодеет. Но, несмотря на испуг, я была очарована прекрасным видом ночного города. С этой высоты все казалось невероятно крошечным, люди внизу

превратились в движущиеся точки, а вдалеке мерцали тысячи огней. Это было невероятное зрелище, ничего красивее я в жизни не видела, хотя нет, красивее этого великолепия был только Микаэль.

– Здесь где-то 300 метров над землей, – сказал он, обнимая меня сзади. Я напряглась: он был слишком близко, я чувствовала жар его тела, его дыхание на моей шее, его сильные руки на моей талии, и я больше боялась не столько этой ужасающей высоты, сколько его близости, и того, что не смогу мыслить трезво, опьяненная его чарами, я боялась, что не смогу устоять перед мужчиной, который положил к моим ногам весь мир.

Я медленно повернулась в его объятьях, посмотрела в его глаза, и увидела, что он до невозможного доволен собой, доволен тем, что ему удалось поразить меня, и возможно покорить.

– Мико, зачем я здесь? – тихо спросила я.

– Ты скажи, – усмехнулся он.

– Я не могла не прийти...

– А я не мог тебя не позвать... Я соскучился по тебе, хотел тебя увидеть, услышать твой голос, хотел прикоснуться к тебе... – он провел пальцами по моей щеке, поправил мои волосы, коснулся шеи... он смотрел на меня с обожанием, с нежностью, с любовью, а я дрожала, захлебывалась от ощущений, которые испытывала с ним, вернулся хорошо знакомый мне трепет, я изнемогала, я таяла в его руках, я растворялась в нем...

Я больше не замечала красоты Парижа, меня больше не беспокоила высота в 300 метров над землей, я не ощущала холодного, осеннего ветра... Время остановилось, замерло, все исчезло, и остались только мы, я и самый прекрасный мужчина в мире, самый вспыльчивый, самый властный, самый жадный мужчина на всей земле...

Он положил руку мне на щеку, провел большим пальцем по моим алым губам, медленно наклонился... его дыхание обожгло меня, и я, не знаю, возможно даже издала легкий стон, от наслаждения, которое мне приносил наш еще даже не состоявшийся поцелуй. Микаэль словно нарочно оттягивал этот момент, его лицо слишком медленно приближалось к моему лицу, а я уже вся замерла в ожидании, мое сердце не билось, я не дышала...

Его руки скользнули по алому бархату моего платья, еще сильнее сомкнулись на моей тонкой талии, он прижал меня к себе, так, что я не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела... Но я не хотела, я не могла... Я ждала... я умирала в этом томном ожидании, и меня мог вернуть к жизни только его поцелуй...

Наконец, его губы оказались слишком близко, и ожидаемое стало неизбежным... он прикоснулся к моим губам, легко, нежно, едва ощутимо...

Ну же, поцелуй меня, поцелуй... мысленно умоляла я, все еще не слыша стука своего сердца, все еще не дыша... поцелуй меня... я больше не могу ждать, я больше не вынесу этой сладкой муки, я умру, если ты этого не сделаешь.

Его влажные губы коснулись моих сухих губ, с неистовой силой, с невероятным напором, с дикой жадной, с неимоверным голодом... с жадностью... и я снова стала дышать, сердце заколотилось, застывшая кровь побежала по венам, я ожила... Мои руки потянулись к нему, я обвила ими его шею, запустила пальцы в его седые волосы, мой язык проник в его рот, коснулся его языка, стал ласкать его, ублажать... А он еще сильнее сжал мое хрупкое тело, так, что я снова чувствовала себя маленькой, беспомощной и невероятно слабой. Я ощутила, как мои ноги оторвались от земли, я повисла на нем, а он держал меня крепко, и ни за что бы не отпустил. Он бы не отдал меня другому даже за все богатства мира, он хотел, чтоб я принадлежала только ему, потому что он жадный, он такой жадный...

В ярком мерцании огней ночного Парижа, на высоте трехсот метров над землей, сгорая, умирая, воскресая, я целовалась с моим любимым, с моим единственным, с моим особенным мужчиной, с моим подобным Богу Микаэлем...

– Замерзла? – спросил он, когда мы, наконец, отпрянули друг от друга.

– Нет, – ответила я, уткнувшись лицом в его грудь, – я дрожу не от холода...

– Пойдем отсюда, – попросил он, – пойдем, я хочу большего, чем просто поцелуи...

– Микаэль... – хотела было возразить я, но сама не знала, что именно. Я ничего не понимала, мысли смешались, день был слишком долгим и насыщенным, я устала, эмоции бурлили... Париж, Микаэль... мир стал таким красочным и ярким, мне было так хорошо и страшно волнительно, я хотела вспомнить все то, ради чего шла на эту встречу, хотела проявить свою гордость и стойкость, хотела показать свою силу воли, но я не могла устоять перед его чарами... Я жаждала поддаться спонтанному порыву, я желала сдаться ему без боя, вывесить белый флаг, принять свое поражение и снова оказаться в его абсолютной власти, снова оказаться на своем месте у его ног...

– Ничего не говори, – попросил он, и его голос был строгим, уверенным, решительным, так что просьба напоминала скорее приказ, – я хочу тебя, Анна, хочу... – его рука скользнула по моему платью и легла на мою грудь. Он с силой сжал ее, грубо, стал тискать меня как какой-то неотесанный мужлан, его дыхание было огненно-горячим, а в мое бедро уперся его возбужденный член. – Признайся, что и ты этого хочешь, милая...

Мои ноги стали подкашиваться, я почувствовала, как теряю силы и желание сопротивляться, возбуждение накрыло меня удушающей волной, и я громко застонала, опустила руку на выпуклость в его брюках и потянулась к его губам, желая в поцелуе излить ему свое поражение.

– Да, я хочу... я хочу... ты прав... – прошептала я. – Я хочу, чтоб ты увез меня отсюда, хочу в твой отель, хочу в твой номер... хочу в твою постель... я хочу отдаться тебе...

О, как же доволен собой он был! Его тешила эта победа, он был счастлив, что я оказалась не такой сильной, как думала, он был в восторге от своего превосходства надо мной. А я, что ж, я должна была признать, что этому мужчине невозможно противостоять.

Микаэль шел быстро, почти бегом, он держал меня за руку и вел за собой, а я с трудом поспевала за ним, потому что мои каблуки были слишком высокими, и потому что я почти не ощущала собственных ног.

– Мико, чуть помедленнее, – отчаянно попросила я.

– Не могу, я и так ждал слишком долго.

– Я не могу так быстро... – заныла я, чувствуя, что мои силы на исходе.

Наконец Микаэль остановился и я с облегчением выдохнула.

– Что ж, придется мне тебя нести, – сказал он, и подхватил меня на руки, прежде чем я успела возразить. Он продолжил свой путь, двигаясь так же быстро, как прежде. Я обвела его шею руками и смотрела на отдаляющуюся Эйфелеву башню. Она мерцала, переливалась яркими огнями, блестела, сияла в темноте ночи, а я не могла поверить, что все это правда, что все это происходит со мной, что это не мираж...

Вова... я почему-то вдруг вспомнила о нем... Если бы я была здесь с ним, то мы бы всю ночь гуляли, взявшись за руки, шутили, смеялись... мы бы бродили пустыми, неизвестными улочками, фотографировались возле красивых исторических зданий, памятников, фонтанов... но я была здесь с Микаэлем, а этому мужчине было не до прогулок... он хотел меня, он спешил, он не мог ждать, он нес меня в свою постель...

– Давай сфотографируемся.

– Сейчас? – недовольно нахмурился он.

– Да, сейчас.

– Давай завтра. Завтра я готов весь день позировать, но только не сейчас.

– Пожалуйста, всего одно фото, – попросила я.

– Господи, Анна, сейчас это жутко неуместно...

– Всего одно фото на память, разве я многого прошу?

– Ладно, – он опустил меня на ноги и словил проходящего мимо туриста, вручил ему свой телефон и встал рядом со мной, обнял меня да талию, я прижалась к нему, улыбнулась...

Вскоре мы мчались в Farrell Hotel. В Париже, как и в других городах, отель выглядел так же гордо и сдержанно. Мы быстро пронеслись по холлу к лифту и вскоре оказались у заветной двери в номер Микаэля. Теперь, когда мы были так близко к цели, я снова занервничала, заволновалась, но эти переживания были сладкими... Я ждала этого, ждала так долго, и вот я здесь, и все произойдет сейчас, в этом номере, за этой дверью...

– Проходи, – Микаэль пропустил меня вперед, и я несмело вошла. Я прошла по коридору, мимо двери ведущей в кабинет, и оказалась в просторной спальне, где царил полумрак.

Я положила свой клатч на столик и обернулась к Микаэлю. Он стоял вдалеке от меня, спрятав руки в карманы брюк, и самодовольно улыбался. Я двинулась к нему, но он остановил меня взмахом руки.

– Раздевайся, – приказал он, грубым, охрипшим от желания голосом.

– Я думала, ты сделаешь это сам, – возразила я. – Подойди, поцелуй меня...

– Раздевайся, – повторил он строже, и я, хоть и не хотела, была вынуждена подчиниться.

Я сняла ботинки, отчего стала сантиметров на десять ниже, сняла верхнюю одежду, и стала расстегивать свое платье. Замок легко поддался, но я замешкалась, вдруг постеснявшись обнажаться перед Микаэлем. Волнение накрыло меня, я почувствовала, как сердце ускорило ход, и теперь стучало в моих висках, во рту пересохло, щеки пылали...

Я так давно не делала этого с ним, не по принуждению, а по обоюдному согласию, по собственному желанию, по доброй воле. Четыре месяца он не видел моего тела, четыре месяца он не прикасался ко мне и теперь с интересом наблюдает за мной, ему не терпится, а я робею, словно в первый раз...

Я осмелилась посмотреть на Микаэля, и увидела, что его самодовольная улыбка стала шире. Его забавляла моя нерешительность, яркий румянец на моих щеках, мое смущение, в то время как он был абсолютно спокоен, решителен, хладнокровен. Он смотрел на меня, как на загнанную в угол жертву, он знал, что победа за ним и мне от него не спастись, он знал, что мне некуда отступить, знал, что я обречена.

Наконец я сняла платье, но прижала его к себе, прикрываясь ним, как щитом.

– Положи его на кресло, – приказал Микаэль, и его громкий голос разорвал тишину, так что я даже вздрогнула. Мешкая в нерешительности, я все-таки положила платье на кресло и теперь скрестила руки перед собой, пытаюсь прикрыться от его пожирающего взгляда.

Я осталась в элегантном, черном кружевном белье, и снимать его я не спешила, а Микаэль и не торопил. Он внимательно рассматривал меня: мой бра без бретелей, который приподнимал и подчеркивал грудь, трусики, и пояс с подтяжками для чулок, и наконец, мои прозрачные чулки. Я робко переминалась на месте, и застыла, когда Микаэль, насладившись видом, двинулся ко мне.

– Никак не могу привыкнуть к твоей новой прическе, – сказал он, касаясь моих волос. – Ты не похожа на себя.

– Я изменилась, Микаэль, я не такая, как прежде, я стала другой...

– Вижу, – кивнул он, и провел пальцем по моей шее, плечу, опустился ниже и остановился там, где начинался мой бра. – Сними его, – приказал он.

Я завела руки за спину и расстегнула застежку, обнажая грудь. Его глаза жадно сверкнули, но он не спешил набрасываться на меня, а легко коснулся пальцем моего отвердевшего

соска, продлевая игру. Мое дыхание задрожало, я напряглась, мое тело отозвалось бурным восторгом на его скупые ласки.

– Скажи, а эта новая Анна, которой ты стала... она берет в рот?

Дерзко, до чего же дерзко, бесцеремонно, грубо!.. Разве так говорят с женщиной, которую уважают, которую любят? Это задело меня, оскорбило, и да, да, меня это возбудило, завело так, что я сжала ноги, унимая томную боль, от неистового, внезапного желания.

– Да... – едва слышно ответила я.

– Хорошо, – довольно улыбнулся он, – сегодня ты позволяла себе неуважительно говорить со мной и я думаю, что твой паршивый рот просто напрашивался, как считаешь?

Я промямлила что-то невнятное, я не могла говорить, не могла думать, потому что уже вся промокла от желания, я была напряжена, как натянутая до предела струна, я была на грани и была готова разразиться бурным оргазмом, стоило ему только коснуться меня там.

– На колени! – жестко приказал Микаэль, и я беспрекословно подчинилась, опустилась на колени и стала ждать своей участи, ждать с нетерпением.

Он неторопливо расстегнул ремень, затем ширинку брюк, достал из трусов свой член и провел им по моим алым губам.

Я выдохнула, издав тихий, жалобный стон, подалась к нему, но Микаэль отпрянул. Он взял мое лицо в свою руку, заставляя меня поднять взгляд и посмотреть на него.

– Не торопись, – сказал он, с легкой ухмылкой, – сделай мне хорошо...

Он отпустил меня, и я положила руки на его бедра, схватилась за них, и уткнулась лицом в его мошонку, так что его мягкие волоски защекотали меня. Я стала целовать его, опускаясь ниже, коснулась губами его чуть обвисших яичек, лизнула их, издала тихий стон. Микаэль тоже застонал, и положил руку на мою голову, одобряя мои действия. Я потерлась щеками о его член, поцеловала головку, потом снова вернулась к яичкам, стала посасывать их, легко сжимая зубами. Он застонал громче, стал дышать шумно и часто, подался вперед, намекая мне на то, что он уже готов, и я могу приступить. Но я не торопилась, как он меня и просил, я целовала его, ласкала, облизывала... пока он не стал дрожать от напряжения, и лишь тогда я обхватила его член губами и стала сосать.

Как же давно я не брала в рот! Как же это приятно! О, какой он большой, какой массивный... член настоящего мужчины... Возможно, Микаэль прав – мой рот был дерзким, потому что его давно не использовали по назначению. Я напрашивалась, я хотела этого не меньше, чем он сам, я мечтала о том, чтоб отсосать ему...

– Глубже, принимай глубже, Анна... – Микаэль схватил меня за волосы и стал грубо заталкивать мне свой член прямо в глотку, а я громко застонала, и впустила его в себя. Какое-то время я не могла дышать, потому что он заполнил меня всю, потом я открыла рот шире,

настолько широко, насколько только могла, пропустила его еще глубже, немного высунув язык.

Еще немного, нужно постараться еще немного и он войдет весь... Я ухватила руками за его ягодицы, впилась в мягкую плоть ногтями, и заглотнула его, весь, от начала до конца он был во мне целиком. Я ерзала, стонала, держала его внутри так долго, как только могла, а потом выпустила, отчаянно хватая ртом воздух и вытирая мокрый рот тыльной стороной ладони. Я была рада, что все получилось, так, как я и хотела, и при этом мне удалось удерживать при себе свой ужин.

– Умница, – похвалил меня Микаэль, довольно улыбаясь, – пососи еще немного, я скоро кончу...

Я снова взяла его в рот, обхватила губами головку, и сосала, сосала, переминая рукой его яички, сосала, пока он не вскрикнул, сотрясаясь от удовольствия. Его сперма вылилась мне на язык, она была невероятно густая, и ее было так необычно много, что она наполнила весь мой рот.

– Глотай, чего же ты ждешь? – усмехнулся он, довольный своей работой.

Я послушно глотнула, наслаждаясь ее насыщенным, терпким вкусом, глотнула, и жадно облизала губы, думая о том, что я хочу еще...

Микаэль заправился, и опустил в свободное кресло, а я так и осталась сидеть на полу.

– Спасибо... – прошептала я.

– На здоровье, милая, – снисходительно ответил он и удовлетворенно прикрыл глаза.

Я смотрела на него, думая о том, как он красив, о том, как он груб, думая о том, сколько времени ему потребуется, чтоб набраться сил и продолжить. Там, у меня все нестерпимо болело от перевозбуждения, изнывало, тянуло... Я коснулась рукой своих трусиков и обнаружила, что они насквозь промокли. О... так сколько же ему потребуется времени, чтоб набраться сил и избавить меня от этой сладкой муки?..

Он все еще сидел с закрытыми глазами, а я уже не могла терпеть...

– Микаэль... – несмело позвала я.

– Что?

– Я хочу тебя... – смущенно призналась я. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Знаю.

– Когда мы сможем продолжить?

– Дай мне еще несколько минут, мне было так хорошо, никак не могу придти в себя... – он снова закрыл глаза, а мне оставалось лишь ждать и терпеть.

– Твоя сперма была не такая как обычно... – задумчиво сказала я, – такая густая и ее было так много...

– Тебе понравилось?

– Да, очень. Ты сможешь снова кончить мне в рот?

– Конечно, если хочешь.

– Хочу...

– Не вопрос...

Я легла на пол и стала изучать потолок, люстру, потом даже зевнула... ожидание затянулось, и мое возбуждение немного спало, боль внизу живота стала не такой сильной...

– Ко мне! – приказал Микаэль, и о Боже, я едва не умерла от новой, неистово сильной волны желания. Мое сердце заколотилось, по коже прошелся мороз, из горла вырвался жалобный, томный стон.

Я поднялась, и, выгнув спину, поползла к нему. Его глаза горели желанием, и он жадно рассматривал мое тело. Я положила руки на его колени и поползла выше, нырнув руками под его рубашку, касаясь его накачанного торса. Я терлась обнаженной грудью между его ног, потом поднялась выше, поцеловала его в губы, поцеловала мочку его уха, его шею, а он провел руками по моей спине, и теперь тискал мои ягодицы, через кружевные трусики. Своим бедром я почувствовала, как окреп его член, а это значило, что ждать осталось недолго, еще немного и он наконец овладеет мной...

Микаэль поднялся и указал мне на кресло.

– Встань сюда на колени, – приказал он.

Я сделала, как он сказал, ухватила руками за спинку кресла, выгнулась, подставляясь ему. Микаэль какое-то время разглядывал меня, пока я стояла на четвереньках, замерев в ожидании, потом он медленно приспустил мои промокшие трусики, и я выгнулась еще больше, предолгая ему себя.

Наконец его палец коснулся меня там, и я громко застонала, вздрагивая, извиваясь от удовольствия.

– Тише, милая, тише, – усмехнулся он моей бурной реакции.

– Возьми меня, прошу, возьми... – захныкала я.

Он продвинул палец немного глубже и остановился у самого входа во влагалище. Я перестала дышать, внутри меня все пульсировало и сжималось, болело, ныло... я больше не могла терпеть, я желала ощутить его в себе, я жаждала нашего воссоединения после долгой разлуки...

– Я знаю, чего ты хочешь... – сказал он, двигая пальцем нарочито медленно и не входя вовнутрь. – Я вижу, как ты подставляешь мне свою щелку, вижу, как тебя мучит желание, но...

Он замолчал. Но? Какое еще но? Просто возьми меня, просто трахни меня, неужели это так сложно? Какое к черту но???

– Но я хочу другую твою дырочку, Анна... – возбужденно прохрипел он, засовывая палец мне в зад.

– Нет, нет, – запротестовала я, и тут же получила раскрытой ладонью по бедру.

– Что значит, нет, Анна? – его голос строгий и холодный... он у меня за спиной, я не вижу его лица, но знаю его слишком хорошо, чтоб понять, что он мною недоволен, зол и хмурится. Его руки легли на мои ягодицы, и я почувствовала, как его член уперся в мой зад и стал проталкиваться внутрь. Было больно, и я вскрикнула, с силой сжимая руками спинку кресла. Он схватил меня за волосы, заставляя меня умолкнуть, наклонился, поцеловал мое плечо, спину, а его член тем временем медленно входил в меня.

– Знаешь, что мне будет приносить невероятное удовольствие? Осознание того, что пока я трахаю твою попку, другая твоя дырочка, вся влажная, горячая, жаждет моего внимания, но мне нет до нее никакого дела, Анна... Ей придется ждать своей очереди... Прежде всего мое удовольствие, а только потом ты...

Я заплакала: после долгого перерыва было слишком больно, а его слова только подливали масла в огонь. Самодовольный, напыщенный нарцисс! Пользуется моим телом в своих интересах, берет то, чего ему хочется, получает удовольствие, пока я изнываю от боли... Но разве не этого я хотела, когда была с мягким, нежным, внимательным Вовой?

Микаэль вышел из меня, и на долю секунды я подумала, что он сжалился надо мной, но он снова стал засовывать свой член в мой тугий зад, потом снова вышел и снова вошел, опять и опять... Я плакала и стонала, ныла, желая, чтоб он прекратил меня мучить, но он продолжал, потому что так ему было хорошо, а то, что мне было до невозможного больно, для него это не было поводом, чтоб остановиться.

Теперь он вошел глубоко и стал двигаться быстро-быстро, так что я снова закричала и стала отталкивать его от себя. Он завел мои руки за спину, и сжал их, так что теперь я была лишена всякой возможности сопротивляться, и он с яростью имел мой пылающий зад.

– Хватит... прекрати... мне больно... – взмолилась я, умываясь слезами. Я больше не испытывала ни возбуждения, ни желания, я ощущала лишь боль и собственную беспомощность.

– Я сам решу, когда хватит, – огрызнулся он, – твоя дырка будет обслуживать меня столько, сколько нужно...

– Больно...

– Терпи... ради моего удовольствия...

Еще несколько долгих, нескончаемо долгих минут я надеялась что он скоро кончит, ну или хотя бы сбавит темп, но Микаэль даже не думал ни о том, ни о другом. Он словно одичал, он как будто уже целую вечность не имел женщины...

Он наклонился, стал целовать, потом покусывать мою спину, он отпустил мои руки, которые уже затекли, и теперь лапал мою грудь, засаживая мне свой большой член невероятно глубоко, по самые яички.

– Давай скорее, если хочешь, чтоб я кончил тебе в рот, – сказал он, выскальзывая из моей попки.

Я быстро сползла с кресла, подставила ему свой рот, ожидая новой порции горячей спермы, хотя на самом деле, мне уже ничего не хотелось – так сильно у меня все болело. Он вздрочнул мне в рот, я глотнула.

– Оближи его, – приказал он, водя членом по моим губам.

– Нет... – отчаянно запротестовала я, – он ведь только что оттуда...

– Ты же не хочешь, чтоб я заталкивал в тебя его силой? – пригрозил он, но я только сильнее сжала зубы, отказываясь исполнять его приказ.

Микаэль схватил меня за лицо, больно нажал на щеки, разжимая мои зубы, и как только я невольно открыла рот, он засунул туда свой член. Я с отвращением поморщилась, а он довольно заулыбался, радуясь своему превосходству.

Микаэль схватил меня за волосы, поднимая на ноги, и впился губами в мои губы.

– Умница, – похвалил он меня, наконец, отпуская.

– Я в душ, – прошептала я, чувствуя себя использованной и грязной.

Микаэль звонко шлепнул меня по задку и обессилено завалился на кровать, а я отправилась в ванну, заливаясь горькими слезами обиды.

Ничего особенного не произошло, он обошелся со мной так же, как всегда. Он пренебрег мной, моими желаниями, моими чувствами, использовал мое тело для собственного удовлетворения, для собственного удовольствия, не отдавая взамен ничего. Я снова чувствовала себя слабой и никакие занятия по самозащите не могли мне помочь в том, чтоб дать отпор этому властному мужчине. Я ехала к нему с надеждой показать свою силу, гордость, уверенность, но проиграла, проиграла даже не сейчас, а тогда, когда только приняла его предложение. Если бы я по-настоящему изменилась, если бы я стала кардинально другой, меня бы здесь не было, и всего этого бы не произошло. Правда в том, что я верила в то, во что хотела верить, но на самом деле, ни я, ни он не изменились, мы такие, какие мы есть. Он жестокий тиран, а я его жертва. Он нуждается в моем подчинении, а я в его власти, и глупо теперь плакать, потому что каждый из нас получил то, чего хотел.

Я вытерла потекшую тушь и встала под горячий душ. Вода меня немного успокоила и облегчила боль.

Даже не верилось, что я в Париже. Ослепительное сияние Эйфелевой башни померкло, как только я переступила порог этого номера и погрузилась во мрак Микаэля. Чувство, что весь мир у моих ног, развеялось, как только я оказалась у его ног... Романтика кончилась, как только начался грубый, жесткий, эгоистичный секс... На самом деле, не так уж и важно где ты, в огромном, роскошном особняке, или захолустном селе – в старом родительском доме, в Украине, или Париже, несчастным можно быть везде одинаково... Он всегда умел меня обидеть, и это оставалось неизменным, сменились лишь декорации...

Дверь душевой кабины резко распахнулась, так внезапно, что я испугалась от неожиданности. Микаэль был обнажен и присоединился ко мне.

– Как ты? – заботливо спросил он, поглаживая мою щеку.

– Все нормально, – ответила я, отводя взгляд в сторону.

– Моя малышка... – прошептал он, наклонился и поцеловал меня в губы.

Я не хотела отвечать, я была так обижена и зла на него, за его жестокость, за его грубость, я хотела оттолкнуть его, но вместо этого, несмело опустила руки на его грудь, чувствуя, что Микаэль прав, я малышка, рядом с ним, в его сильных руках, за его широкой спиной. Он крепко обнял меня, я обвила его шею руками, снова изнемогая, снова сгорая от желания, снова умирая от любви к этому нежному мужчине. Слезы прошли, мир снова стал красочным и прекрасным, его чувственный поцелуй принес мне исцеление, я снова не могла мыслить здраво, я поддалась порыву, поддалась непреодолимому желанию всецело принадлежать ему.

– Я так скучал по тебе... Я так безумно скучал... По твоей нежной коже, по твоим мягким губкам, по твоему запаху... Анна, я так сильно тебя люблю...

– Мико... – выдохнула я, веря его искренним словам.

– Все это время я был верен тебе... Я не хотел никого другого... только тебя, тебя одну, моя девочка, только тебя одну... – он стал целовать мои руки, жадно и с любовью, он, наконец-то стал настоящим, открытым, стал искренним. А я сгорала от стыда за свою неверность, за свое предательство. И пусть формально я имела права на эти отношения, но ведь я все равно знала, что наступит тот день, когда я буду об этом сожалеть, когда я буду раскаиваться.

– Мико... я люблю тебя... – прошептала я. – Больше жизни, люблю больше всего в это мире, слышишь, я люблю, люблю...

Ничего не имеет значения. Вова? Кто он? Лишь капля в океане... Он никто, ничто, по сравнению с этим прекрасным, неземным мужчиной, которому принадлежит моя душа, мое сердце, я вся...

Микаэль подхватил меня и понес в спальню. Он уложил меня на кровать, опустился на меня сверху, накрывая меня, хрупкую, своим большим телом. Наши губы встретились, и меня словно ударило током, обожгло огнем, обдало холодом... Мое дыхание стало тяжелым и прерывистым, я дрожала, я изнывала...

Он знал, что предварительные ласки мне сейчас не нужны, как собственно и ему, поэтому он просто вошел в меня. Нет слов, чтоб описать то наслаждение, которое я испытала, когда его большой, напряженный член проник в меня. Это было ярче новогоднего фейерверка в Дубае, это было прекраснее Парижа и башни, это было мое восьмое чудо света... Он стал двигаться, а я стонала, задыхалась от восторга, разбивалась на осколки от удовольствия. Я держалась за его широкие плечи, чувствовала, как играют его мышцы, видела, что он не торопится, желая доставить мне истинное наслаждение, и у него это отлично получалось...

– Милый...

– Да, моя девочка... чего хочет моя малышка?

– Только что бы ты не останавливался... никогда... – ответила я, и вскрикнула. Я заплакала, рассмеялась, я сошла с ума, меня знобит, я не понимаю где я, в аду или раю, я умираю... нет... это просто он... мой долгожданный и самый яркий, самый невероятный, мой великолепный оргазм...

Ощущения обострились, прикосновение его кожи к моей, его холодные губы на моей груди, запах его парфюма и моих духов, его громкое дыхание, мои восторженные стоны... все смешалось, все спуталось...

– Любимый... мой любимый... – я исчезала, растворялась, я тонула в нашей страсти, в наслаждении, в любви, я металась по постели, я прижималась к нему, царапала его спину и плечи, оставляя на его коже багровые следы, я кричала так, что пропадал голос, а оргазм накрывал меня новой и новой волной. И во всем этом дурмане я вдруг осознала, что неважно как, важно с кем... с ним, только с ним одним мне могло быть так поистине хорошо...

Я не помнила, как уснула, этот безумно долгий, невероятно насыщенный день подошел к концу, и рядом с Микаэлем, в его крепких, жадных объятьях, прижимаясь к его большому горячему телу, я спала хорошо и спокойно.

Мое первое утро в Париже выдалось не таким радужным, как я ожидала. За окном моросил мелкий, осенний дождь, было пасмурно и туманно. Я медленно поднялась с кровати, чувствуя, как ноет мое тело, после ночного секс-марафона. Было так хорошо... о, было просто невероятно хорошо, так отчего же так плохо сейчас? Вместе со мной проснулся и мой здравый смысл, и теперь меня мучили сомнения, где-то внутри поселилась тревога и волнение, ко всему присоединилось мое самолюбие и гордость, и теперь все это терзало меня, потому что теперь, когда уже было слишком поздно что-то менять, я вдруг осознала, что совершила ошибку. Я выбросила белоснежные розы с балкона, но на этом мои правильные поступки и закончились... Я примчалась к нему по первому зову, приползла к нему на коленях, стоило ему только поманить меня пальцем, отдалась ему вся, не смотря на его грубость, на его эгоистичность... и что теперь? Я продолжаю наши отношения ровно с того места, на котором они и закончились. Дура, идиотка! Жизнь меня ничему не научила, все мои слезы,

страдания, все мои муки прошли зря, я не учусь на своих ошибках, и теперь я опять у ног тирана, и теперь я опять буду страдать, как и прежде, буду плакать, умирать от боли... потому что ни я, ни он, мы не изменились, и из этого фееричного воссоединения не выйдет ничего хорошего.

Я приоткрыла дверь кабинета и увидела, что Микаэль говорит по телефону. Он что-то гневно шипел в трубку и тыкал пальцем в какой-то важный документ. Я не стала его беспокоить, потому что на самом деле не знала, какой будет наша утренняя встреча, каким будет он, после всего, что произошло между нами ночью, и какой быть мне... Я пошла в душ, радуясь тому, что у меня есть немного времени, чтоб все обдумать.

Микаэль... моя самая большая, самая сильная, моя единственная любовь, моя слабость, мое небо и земля, вся вселенная и весь мой мир, моя невыносимая боль, моя неизлечимая болезнь, мое дыханье, моя жизнь...

Может быть, вернуться к нему – это совершить ошибку, но разве не будет самой большой глупостью снова уйти от него? Разве я смогу жить без этого человека, разве я смогу когда-нибудь изгнать его из своего сердца, разве я смогу когда-нибудь разлюбить его? Нет... Я создана для него, я его половина, я лучик света для его крошечной тьмы, я его тень...

Так что же мне делать? Я стояла под струями горячей воды и тихо молилась: Господи, помоги мне принять верное решение, помоги мне избавить этого мужчину от его мрака, помоги мне сделать его счастливым, или же избавь нас двоих от наших чувств, избавь нас от зависимости, от этой снедающей, всепоглощающей любви, подари нам освобождение друг от друга...

На душе было так тяжело, так беспокойно, что я заплакала. Я металась, меня терзали противоречивые чувства, меня снедали сомнения. Я словно стояла на распутье, и от того, какую дорогу я выберу, зависела жизнь не только меня одной...

– Анна... – тихий стук в дверь и обеспокоенный голос Микаэля, – принесли завтрак, ты скоро?

– Да, я уже...

Я быстро вытерлась, надела белоснежный банный халат, замотала волосы в полотенце и вышла из ванной. Микаэль сидел в кресле и смотрел новости.

– Они же на французском, разве ты что-то понимаешь?

– Только самую малость, – ответил он, выключая телевизор. – Все в порядке? Ты долго, я уже начал волноваться.

– Все хорошо, я просто увлеклась.

Микаэль встал и подошел ко мне. От того, как близко он был, я вновь ощутила волнение, все внутри меня затрепетало, воздух сделался густым и вязким, так, что мне стало трудно дышать.

– Доброе утро... – он наклонился и поцеловал меня в щеку. Его мягкие губы коснулись моей кожи, аромат его парфюма приторно горький, едкий, навязчивый... его рука ловко распахнула полы моего халата и опустилась на пучок волос между моих ног... О чем там я думала?.. Что я хотела ему сказать? Ничего не помню, мысли снова спутались, он украл их, как украл и мое сознание, и здравый смысл.

Микаэль целует мою шею, я запрокидываю голову, полотенце соскальзывает и падает на пол, я издаю блаженный стон, потому что его рука больше не играет с волосами на моем лобке, теперь она массирует мой клитор и желание врывается в меня, а я поддаюсь ему.

Мои ноги подкашиваются, и я отчаянно хватаюсь за ворот его пиджака, снова издаю стон, облизываю сухие губы и шумно выдыхаю... Микаэль развязывает пояс моего халата и теперь я прижимаюсь обнаженной грудью к плотной ткани его дорогого, идеально подогнанного по фигуре пиджака.

От удовольствия я закрываю глаза, закидываю ногу на его бедро, он придерживает меня за талию, и я извиваюсь в его руках, от его ласк. Открыв глаза, я застаю на его лице самодовольную улыбку, и это злит меня, но не настолько, чтобы оттолкнуть его от себя. Вместо этого я заливаюсь краской, мне стыдно за себя, стыдно, что я так слаба, что я не могу устоять перед ним и снова позволяю ему одержать над собой верх. А он уже практически смеется мне в лицо, словно говоря: посмотри на себя, Анна, ты не можешь противостоять мне, я владею тобой, ты в моем подчинении, ты готова на все, ты исполнишь любой мой приказ, ты опять проиграла.

Черт, нет, как же так? Как только это у него получается? Почему я так слаба и беспомощна? Я ведь сильная, я уверенная в себе, я гордая...

– Микаэль... – жалобно стону я, признавая его победу. Сейчас мне нравится быть проигравшей...

– Я этого не планировал, – говорит он с улыбкой, – но раз ты так возбуждена... Я подготовлю нечто особенное на этот вечер.

Что он задумал? На вечер... на вечер, а что же сейчас? Умираю от любопытства, стораю от желания...

Он отстраняется, а я нехотя отпускаю его. Микаэль ложится на кровать, расстегивает брюки и кивает мне.

– Отсоси мне, – говорит он грубо, и я сбрасываю халат, устраиваюсь на кровати между его ног и беру в рот его член.

– А как же я? – жалобно, с надеждой спрашиваю я, облизывая со своих губ его сперму.

– Ты? – говорит он с насмешкой, – тебе придется потерпеть до вечера, милая.

Обидно, обидно до слез, я возбуждена, я хочу, я жажду... но Микаэль непреклонен, он не меняет своих решений, он нарочно мучает меня...

– Я проголодался, – он заправляется, берет меня за руку и ведет к столику, на котором нас ждет остывший кофе, сок, тосты и прочее. – Нет, это есть уже нельзя, собирайся, позавтракаем в каком-нибудь кафе.

Микаэль подготовился к моему приезду, он знал, что у меня не будет во что переодеться, поэтому купил мне целый шкаф вещей, как он сказал, чтоб у меня был выбор, но может он просто рассчитывал на то, что я задержусь здесь подольше... А я собиралась вернуться домой к понедельнику и теперь не знала, как мне ему об этом сказать.

Я надела тонкие колготы, мини юбку, вязаную кофточку приятного персикового цвета, кашемировое пальтишко, ботинки на невысоком каблуке и зеленый шелковый шарфик. Наконец мы выбрались из отеля и добрались до ближайшего кафе. О завтраке уже и речи быть не могло, поэтому мы заказали плотный обед и с аппетитом принялись за еду.

– Ты давно здесь? – спросила я.

– Давно, – кивнул он, – уехал после пятнадцатого июля.

– Как ты отменил свадьбу?

– Просто взял и отменил, – нахмурился Микаэль.

– Ты, наверное, потерял много денег?

– В тот день я потерял кое-что намного важнее денег, Анна... – недовольно пробурчал он, глядя на меня с укором. Я поспешно опустила взгляд в тарелку, жалея, что затронула эту тему. – Сказать по правде – никто особенно не расстроился, кажется, все считали, что мы не пара. Дон ликовал, он открыто заявил мне, что тебе так будет лучше, моя бывшая сказала, что ты вовремя сбежала от меня, к тому же, посоветовала мне обращать внимание на женщин своего возраста...

Дон, понятное дело ликовал, а вот его бывшая... какое ей до меня дело? Она не знает меня, она не знает наших отношений, не знает, как мы нуждаемся друг в друге, она не представляет, как нелегко мне далось это решение...

– В общем, нашим расставанием все остались довольны, плохо было только мне... – в его голосе слышалась боль и обида.

– Мне тоже было очень плохо... – тихо сказала я, чувствуя себя виноватой в том, что причинила ему боль.

Микаэль прошептал что-то, но я не совсем расслышала, что именно. Мне показалось, это было что-то вроде: ты недолго горевала, но может быть он сказал что-то другое.

– Что? – переспросила я.

– Ничего, – хмуро отмахнулся он.

Он знает о Вове, – в который раз сказала я себе, и меня бросило в жар от этой мысли. Нет, надеюсь, что нет...

Микаэль сидел сосредоточенный и серьезный, он не ел, не смотрел на меня, он думал о чем-то своем, на его лице застыла печаль, и пасмурная погода за окном только усугубляла нависшее между нами напряжение.

– Я жалела, что ушла от тебя, каждый день, каждую минуту, – честно призналась я, желая убедить его в том, что для меня наше расставание тоже не прошло легко. – Но тогда я не могла поступить иначе, и даже сейчас, я думаю, что сделала правильно. Время нам двоим пошло на пользу, разве нет?

– Возможно, – пожал плечами он, – возможно для тебя да, но я, все же, жалею, что отпустил тебя...

– Почему?

– Потому что теперь я не знаю, как мне тебя вернуть... – он, наконец, посмотрел на меня, и я увидела в его глазах отчаянье и страх. Он боялся, что потерял меня навсегда... – Вот зачем ты здесь, Анна... Я хочу снова покорить тебя, хочу, чтоб ты вернулась ко мне, хочу, чтоб ты снова была моей...

– Микаэль... – тяжело выдохнула я, – тебе не нужно покорять меня или завоевывать... Дело вовсе не в том, что я не хочу быть с тобой...

– Да, а в чем же тогда?

– В том, что я боюсь, что как только ты получишь меня обратно – все повторится...

– Я обещаю, что теперь все будет иначе, я изменюсь, я больше не причиню тебе боли...

– Это ты сейчас так думаешь, но стоит мне сделать что-нибудь не так, стоит мне разгневаться тебя...

– Я же сказал, что больше не обижу тебя, – прервал меня он.

– Пусть так, но этого не достаточно... Я больше не хочу таких отношений, которые у нас были. Я не хочу больше быть твоей рабыней или служанкой, или кем я там для тебя была. Я хочу, чтобы мы были партнерами, чтобы мы были на равных, чтобы ты перестал воспитывать меня, хочу, чтобы ты не относился ко мне как к ребенку. Я хочу свободы выбора, хочу иметь право на собственное мнение, а не чтобы ты все решал за меня. Мне нравится жизнь, которой я живу сейчас, мне нравится моя работа, я не хочу снова сидеть весь день в четырех стенах, в ожидании, когда ты вернешься домой. Сейчас я занимаюсь любимым делом, я учу детей, я для них авторитет, я чувствую себя значимой, я личность, а не просто чья-то игрушка...

– Я и не думал, что тебе со мной было настолько плохо, – обижено нахмурился Микаэль.

– Просто ты слишком давишь на меня, я с тобой всегда напряжена, всегда думаю, что мне можно сказать, а о чем мне лучше помалкивать, я думаю, какой мне следует быть, чтоб угодить тебе, а мне просто хочется быть самой собой, хочется легкости, непринужденности.

– Не слишком ли многого тебе хочется? – недовольно пробубнил он.

– Вот видишь, как ты к этому относишься? – вздохнула я. – Может, Джинни была права, и тебе действительно нужна женщина твоего возраста, и лучше, чтоб она была твоего статуса, тогда бы вы были на равных и ты бы уважал ее, ценил ее мнение, вы бы вели высокоинтеллектуальные беседы, обменивались бы опытом...

– Мне не нужна какая-то престарелая тетка, – раздраженно бросил он. – Мне нужна ты. Мне нужна моя покорная, послушная Анна.

– Но я больше не такая, Микаэль, – возразила я.

– Вижу. Ты стала слишком своевольной... У меня аж руки чешутся...

Я испуганно уставилась на него, пытаюсь понять, серьезно ли это он, а Микаэль лишь загадочно усмехнулся в ответ. Он откинулся на спинку стула, забросил ногу на ногу и смотрел на меня гордо, сверху вниз. – Вот что обо всем этом думаю я: у женщины лишь одна задача – выбрать себе мужчину. Именно мужчина должен быть главой семьи, он должен обеспечивать, брать на себя решение всех проблем, последнее слово всегда за ним, и ответственность всегда на нем. Женское дело – создавать для мужчины комфорт, уют, и ублажать его в постели.

– Микаэль, – несмело прервала его я.

– Помолчи, – строго сказал он. Я снова чувствовала себя нашкодившим ребенком, а Микаэль так же спокойно продолжал. – Все просто, как дважды два. Зачем тебе работать, если я зарабатываю миллионы, зачем тебе водить машину, если я предоставляю тебе личного водителя, зачем тебе заниматься домашними делами, если я нанял прислугу? Я могу дать тебе все, что ты только пожелаешь, а взамен прошу лишь только самую малость – покорности. Если ты хочешь развиваться как личность – не имею ничего против: играй на фортепиано, рисуй, я найму тебе учителей, можешь придумать свою коллекцию одежды – я открою тебе магазин, или занимайся благотворительностью, как это делают все жены богатых, влиятельных мужчин. Перед тобой столько возможностей, я готов воплотить в жизнь любую твою мечту, стоит тебе только показать пальчиком, и сказать – я хочу это – и оно уже твое. Я готов подарить тебе весь мир, любая на твоём месте была бы счастлива... Чего тебе еще нужно? Равноправия? Об этом и речи быть не может. Ты – женщина, а я – мужчина, и уже только поэтому мы не можем быть на равных. К тому же я взрослый, а ты еще ребенок...

– Я не ребенок, Микаэль, – недовольно огрызнулась я. – Это ты относишься ко мне как к ребенку. Ты не даешь мне права голоса, ты все решаешь за меня, ты даже в ресторане никогда не спрашиваешь, чего мне хочется, и заказываешь все на свой вкус. Тебе безразлично мое мнение, ты бы хотел, чтоб я все время молчала, уважительно склоняла голову и тихо шептала «да сэр», вот тогда бы ты был мною доволен.

– Да, пожалуй, это было бы неплохо, – согласно кивнул он.

– А ты бы сам хотел вот так, постоянно кому-то беспрекословно подчиняться?

– Конечно нет.

– Тогда зачем требуешь этого от меня?

– Ты же женщина, ты должна кориться мужчине.

– Что это за двойные стандарты? Откуда это в тебе? Мужчина, женщина, какая разница? Я такой же человек, как и ты, и если у тебя есть право на свободу, то почему я должна жить под твоим гнетом?

– Милая, эта истина стара как мир! Женщина создана для мужчины, не наоборот.

– Значит, я создана не для тебя. Твоя женщина, у которой нет ни собственных мыслей, ни желаний, ни мнения, стоит на коленях и ждет тебя, тебе стоит заняться ее поисками, а не тратить время на то, чтоб сделать из меня ту, кем я не являюсь, – я поднялась и стала одеваться.

– Куда собралась? – встревожился Микаэль.

– Пойду искать своего мужчину, который не будет давить на меня своим авторитетом, мужчину, который не живет средневековыми понятиями, – съязвила я.

– Сядь! – грозно приказал Микаэль.

– Нет.

– Сядь, – зло прошипел он, его глаза гневно сверкнули, и я покорно опустилась на свой стул, испугавшись. Я в чужой стране, без копейки денег, рядом с мужчиной, который и убить может, так что не стоит его злить слишком сильно. – Мы не договорили.

– С таким же успехом я могла бы говорить сама с собой, – обижено подметила я.

– Ты почти ничего не съела.

– Я не хочу.

– Поешь, излишняя худоба тебе не к лицу.

– Я не хочу.

– А я и не спрашиваю, хочешь ты или нет, просто делай что велено.

Я тяжело вздохнула и нехотя принялась за еду. Микаэль неисправим, и было глупо надеяться, что я смогу его исправить. Если я решу быть с ним, то наши отношения будут такими же как были, и мы начнем с того места, на котором закончили. Все повторится, я снова буду страдать и плакать, я снова буду несчастна... А где-то далеко, меня ждет другой

мужчина, который уважает меня, ценит, который ласков и нежен со мной, и скучная жизнь с ним теперь кажется такой заманчивой...

– Не плачь, – прошептал Микаэль, вытирая мою щеку. Я и сама не заметила, как от обиды проронила несколько слезинок. – Скажи мне, что мне сделать, чтоб вернуть тебя?.. – попросил он.

– Просто будь со мной помягче, ты слишком грубый и жесткий.

– В постели?

– Нет, так просто, то, что ты говоришь, и как ты говоришь, это обижает меня. Но и в постели ты тоже мог бы быть мягче. Вчера ты сделал мне больно...

– Ты заслужила, – холодно бросил он.

– Заслужила? Чем это? – удивилась я.

– Да так, не важно, – отмахнулся Микаэль.

Что я такого сделала? Чем я заслужила? На ум не приходило ничего, кроме как Вова. Если Микаэль знает о нем, то злится на меня, и может, потому вчера был со мной таким грубым?

– Я понял тебя, я постараюсь быть с тобой поласковее, – пообещал он. – Так ты будешь со мной?

– Еще вчера я думала, что мы расстались навсегда, а сегодня ты предлагаешь мне вернуться... я не могу принять решение так скоро, мне нужно подумать.

– Ты сказала, что любишь меня, и я люблю тебя – о чем тут думать?

– Микаэль, прошу, давай не будем торопиться. Я хочу принять взвешенное и окончательное решение.

– Ну хорошо, думай, – неохотно согласился он.

– Мне сложно думать, когда ты рядом. Мне нужно вернуться домой...

– Домой? Уже? Я думал, ты останешься хотя бы на недельку...

– Не могу, мне в понедельник на работу, так что в воскресенье вечером я должна быть дома.

– Останься еще хоть на несколько дней, а с твоей работой я все улажу.

– Нет, не могу.

Я хотела остаться, но дома меня ждал Вова, которому я предложила жить вместе, и теперь, я понятия не имела, как забрать свои слова назад. А еще в понедельник возвращалась Мила, и мне вовсе не хотелось, чтоб она узнала, где я была, и рассказала обо всем моей маме...

– Ок, как скажешь.

О, каких трудов ему стоило уступить мне, но он так хотел заполучить меня, что даже пошел на это. Он сидел насупленный, недовольный, сердитый, а я делала вид, что не замечаю этого, радуясь своей маленькой победе.

Закончив с обедом, мы молча прогуливались, Микаэль не разговаривал со мной, а я решила дать ему время немного остыть. Так продолжалось до тех пор, пока ему не позволили.

– Фаррелл, – холодно бросил он дежурную фразу. – Да, слушаю... – недолгое молчание, его глаза злобно заблестели, нахмурился еще сильнее... —bastard! – гневно выругался он на английском, и я аж рот открыла от удивления, потому что, кажется, никогда раньше не слышала от него таких гневных ругательств. – Нет, нет, я счастлив, это отличные новости, хорошая работа.

Он закончил разговор и сунул телефон в карман пальто, я осторожно поглядывала на него, пытаюсь понять, в каком он настроении, а он шел задумчивый, серьезный, потом вдруг слишком весело улыбнулся мне.

– Хорошие новости? – спросила я.

– Для меня да, – сказал он, останавливаясь и привлекая меня к себе. Его рука коснулась моего подбородка, он посмотрел мне в глаза и как-то мечтательно прошептал: моя, моя Анна...

– Пока еще нет... – робко запротестовала я.

– Это только вопрос времени, – подмигнул он, и поцеловал меня в губы, сильно и неистово жадно... – Давай пройдемся по магазинам, и я куплю моей малышке все, что она захочет.

– Мне ничего не нужно.

– Мы в столице моды, милая, будет грехом ничего не купить.

– Ладно, если ты настаиваешь, – застенчиво улыбнулась я, и мы провели весь за покупками весь день, до самого вечера.

Мы поужинали в номере отеля, немного отдохнули возле телевизора, после чего Микаэль приказал мне идти собираться. Как и обещал – он подготовил для меня нечто особенное, но я понятия не имела о чем идет речь и не знала, что надеть, поэтому долго крутилась у шкафа, рассматривала вещи, купленные нами сегодня, и наконец выбрала темно зеленое платье с четвертным рукавом, жемчужным воротом, едва достигающее до колен. Я надела луч-

шее белоснежное, кружевное белье, мало ли что, а также плотные чулки. Мой наряд с легкостью подошел бы на все случаи жизни и я, довольная собой, наконец, сообщила Микаэлю, что готова. Он недовольно покосился на часы, давая мне понять, что я заставила его ждать, но от комментариев воздержался. Мы сели в машину и долго ехали ночным городом, пока, наконец, не остановились у огромного особняка, который напоминал, некогда наш с Микаэлем дом. У ворот нас встретила охрана, и Микаэлю пришлось предъявить пропуск, чтоб проехать дальше. Наконец с формальностями было покончено и мы вышли из машины и остановились у двери.

– Готова? – загадочно улыбнулся Микаэль.

– Понятия не имею, чего мне ожидать, но да, наверное, готова, – растерянno ответила я.

– Не волнуйся, – сказал он и взял меня за руку, а я почему-то теперь действительно начала волноваться.

Дверь открыла привлекательная блондинка в, мягко говоря, откровенном наряде, который выставлял напоказ все ее прелести. Она улыбнулась, поприветствовала нас и пригласила войти. Холл был залит приглушенным красным светом, и тихой, ненавязчивой музыкой, на полу мягкий ковер, несколько больших кресел, и стойка регистрации, как в каком-нибудь отеле. Микаэль указал мне на кресло, и я послушно присела, а он пошел вслед за блондинкой, показал ей пропуск, заплатил и... получил ключ. Мое волнение нарастало, и я нервно покусывала ногти. Теперь Микаэль подошел ко мне, взял за руку и повел меня по лестнице вверх. Мы оказались в длинном коридоре, еще более мрачном, чем холл, по обе стороны которого были двери, ведущие в комнаты. Некоторые из них были закрыты, но некоторые были открыты и то, что происходило в этих комнатах, поразило меня так, что я схватилась за руку Микаэля, боясь, что он меня отпустит, и я окажусь в этом странном месте одна.

Он шел не спеша, с интересом заглядывая в каждую незапертую дверь, а я опустила взгляд и плелась за ним.

– Посмотри, – прошептал он, останавливаясь у одной из комнат.

– Нет... – растерянno отказалась я, – подглядывать не хорошо...

– Милая, они специально оставили двери открытыми, они хотят, чтоб их увидели, – усмехнулся он.

Я застыла на месте, не решаясь поднять взгляд, тогда Микаэль с силой дернул меня и едва ли не затолкнул меня в комнату, заставляя смотреть.

На широкой кровати, в красивой шелковой ночнушке, лежала молодая, привлекательная женщина. Ее руки и ноги были закованы в кандалы, ее тонкую шею стягивал кожаный ошейник, на котором мне удалось разглядеть, написанное большими белыми буквами, слово slave – рабыня... Над ней возвышался худощавый, но довольно мужественный молодой человек, который, по всей видимости, был ее господином. Он жестко имел ее сзади, крепко держа ее за волосы, а она отчаянно сжимала руками простынь и тихо постанывала. Должно быть ей было больно, но выказывать своего недовольства она не смела. Мне стало жаль ее, потому что ее мужчина, или ее господин, кем бы он там ни был – он был беспощаден. Нако-

нец она не стерпела и громко, жалобно застонала. Мужчина недовольно нахмурился и отпрянул. В ее глазах промелькнул страх, она ненавидела себя за то, что нарушила тишину и проронила стон. Мужчина сел в кресло и приказал ей что-то сделать, но я не поняла, что именно, так как говорили они на французском. Женщина встала с кровати, опустилась на колени и, звеня кандалами, поползла в другой конец комнаты. Вскоре она приползла к креслу, в зубах она сжимала большой, кожаный хлыст. Она остановилась у ног господина, уважительно склонила голову, а он гордо отвернулся, словно не желал ее знать, после столь серьезного проступка. Она ждала, потом стала тереться лицом о его ноги и жалобно мурлыкать, умоляя своего властелина взять оружие пыток, и как следует наказать ее. Наконец, он сжалился, отобрал у нее хлыст и приказал ей лечь на пол. Она подчинилась не мешкая, и замерла в ожидании. Мужчина медленно поднялся, принялся рассматривать ее, наклонился и приподнял ее ночнушку, обнажая ее ягодичы. Он обошел вокруг, напрочно медля, потом остановился, поставил ногу ей на спину, прижимая ее к полу и лишая возможности двигаться, и стал пороть ее хлыстом. Она дернулась всем телом, но стерпела наказание молча. Я не могла больше смотреть на ее страдания, хотела уйти, но руки Микаэля опустились на мои плечи, настаивая на том, чтоб я досмотрела до конца. Тем временем порка продолжалась, и рабыня уже жалобно постанывала, умоляя своего повелителя сжалиться. Я посмотрела на Микаэля, он был крайне увлечен происходящим и довольно ухмылялся, словно страдания бедной женщины доставляли ему удовольствие. Наконец наказание закончилось, и рабыня кинулась целовать ноги своего господина, благодаря его за прощение.

Теперь Микаэль взял меня за руку и повел дальше по коридору. Он открыл дверь нашей комнаты и пригласил меня войти. На первый взгляд это была самая обыкновенная комната, широкая кровать уланная красными шелковыми простынями, черный кожаный диван, на полу мягкий ковер, окна занавешены плотными шторами, мягкий полумрак от горячей лампы в виде свечи. В высокой хрустальной вазе у изголовья кровати стоят плетки батоги и розги – вот что делает эту комнату необычной... Я почувствовала волнение, нарастающий приступ паники, тревогу... Я говорила с Микаэлем о равноправии... смешно...

Он мягко коснулся моего плеча, а я испуганно дернулась.

– Я лишь хочу помочь тебе снять пальто, – сказал он, даже не пытаясь скрыть свою самодовольную улыбку.

– Что тебя так забавляет? – огрызнулась я, позволяя ему меня раздеть.

– Твоя растерянность, милая, а еще страх в твоих глазах... – ответил он, нежно целуя меня в лоб.

Микаэль повесил нашу одежду и жестом предложил мне присесть на диван.

Он подошел к маленькому столику, на котором стояли бокалы и напитки, и налил бокал вина.

– Вот, выпей, тебе нужно немного расслабиться.

Вино было сладким и крепким, и я почувствовала, как приятное тепло разливается по всему телу, даруя мне спокойствие.

– Итак, расскажи мне, как тебе увиденное? – Микаэль сел рядом со мной и закинул ногу на ногу, занимая позу хозяина положения.

– Мне не понравилось, если ты об этом. Мне кажется ужасным, что мужчины перестали быть джентльменами, и так обращаются с женщинами, самоутверждаясь за их счет.

– Она рабыня по доброй воле, она этого хочет, и поверь мне – ей это нравится.

– Да что ты! А мне показалось, она глубоко несчастна, но может быть слезы в ее глазах говорили об обратном... – съязвила я.

– Ночь только началась, заглянем к ним, когда будем уходить, и ты сама все увидишь.

Я допила вино и поставила бокал на пол.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила я.

– Ты сама как думаешь? – улыбнулся Микаэль.

– Думаю да.

– Да, и довольно часто... но это было до того, как я встретил тебя, – Микаэль придвинулся поближе, и легко коснулся моей щеки. Мое сердце бешено забилося, отзываясь трепетом на его прикосновения. – Тебе не интересно, зачем ты здесь? – тихо спросил он.

– Хочешь сделать со мной тоже, что делал тот мужчина с той несчастной женщиной?

– Она не несчастна, – рассмеялся Микаэль, – ей нравится.

– Как такое может нравится?

– Женщине приятно иметь власть над мужчиной, но ее всегда влечет к тому, кто имеет власть над ней. Именно поэтому ты примчалась ко мне, стоило мне только тебя позвать, – Микаэль улыбнулся своей самодовольной улыбкой, и смотрел на меня с превосходством, а мне было так стыдно, от того, что он был прав. – Я владею тобой с нашей первой встречи и до теперь, милая. И какие бы глупые мысли не посещали твою красивую головку, о равноправии и свободе, все это чушь. На самом деле тебе нравится быть моей, принадлежать мне, быть в моей власти. А мне, в свою очередь нравится владеть тобой, вот почему нас так тянет друг к другу, вот почему нам так хорошо вместе. Я привел тебя сюда, чтоб ты сама убедилась в этом.

Он говорил спокойно и уверенно, а я злилась на то, что он снова был прав, я не хотела соглашаться с ним, я хотела спорить, но мое дыхание отчего-то стало тяжелым, я захмелела от вина и была слишком слаба, чтоб сопротивляться, поэтому снова позволила ему одержать победу.

Микаэль поднялся и подошел к кровати, снял пиджак, бросил его на изголовье и стал рассматривать плетки, ощупывать их, пробовать силу удара на своей руке. Я заворожено наблюдала за каждым его движением, любовалась тем, как красив этот седовласый мужчина,

я восторгалась его силой, его опытом, его сдержанностью. Я изумлялась его холодному спокойствию, в то время как я нервно ерзала на диване, холодея от звука удара кожаной плетки. Микаэль подозвал меня к себе, и я, на негнущихся ногах подошла, но не слишком близко, сохраняя между нами дистанцию, стараясь держаться подальше от этих устрашающих оружий пыток.

Он все еще стоит ко мне спиной, продолжая играть с плетью, а я жду... я замерла... я боюсь дышать...

– Поиграем? – его голос грубый, жесткий, холодный, у меня от него мурашки по коже, у меня от него влажно между ног... Он обернулся и с насмешкой смотрит, на меня, он знает, что я согласна. – Правила простые: я приказываю, ты беспрекословно подчиняешься. Будешь моей рабыней, будешь величать меня своим Господином... За непокорность тебя будет ждать наказание, понятно?

– Да, мой Господин... – я уважительно склоняю голову, я распрощалась с гордостью, я дрожу, меня бросило в жар, я горю, я пылаю, во рту пересохло, а между ног так влажно, там все болит и пульсирует от возбуждения.

– Если будешь вести себя хорошо – тебя будет ждать поощрение. Но давай все же выберем что-нибудь, из этого изобилия и положим на видное место, чтоб ты знала, чем тебе сулит непокорность. Это шлепалка – прелестное орудие для порки, но слишком жесткое, а я обещал тебе, быть с тобой помягче, так что она нам не подходит. Это флоггер, короткая плеть с множеством хвостов, он нам идеально подходит, но давай посмотрим что-нибудь еще. – Он отложил флоггер на кровать, и достал из вазы очередное приспособление. – А это стек: упругая трость с кончиком в виде хлыста. Изначально предназначались для дрессировки лошадей и собак, но поверь мне, женщин он укрощает тоже неплохо, – снова самодовольная, надменная ухмылка, а я сжимаюсь от страха, от чувства собственной беспомощности. – Чувство от удара длинной частью стека можно сравнить с поркой ивовым или березовым кнутом, и это действительно больно, но откуда тебе знать, отец ведь не бил тебя в детстве прутиком?

Я отчаянно закивала, подтверждая то, что отец меня не бил, меня бил только один мужчина, и им был он, Микаэль и отныне мой Господин.

– Хлыстик хорош для точечного воздействия... – он задумался, – нет, пожалуй, этот девайс не слишком подходит для сегодняшней ночи, хотя у него и имеется один плюс – с другой стороны у него нежные перья, для того, чтобы дразнить эрогенные зоны и поощрять партнера. Отложим его пока, – он бросил стек на кровать и достал следующее орудие. – Это кнут, – гордо заявил он, – инструмент для виртуозных доминантов. С ним нужно быть крайне осторожным, так как безобидный на первый взгляд кончик может рассечь кожу до кости. – Я громко сглотнула, а Микаэль рассмеялся, – ты отчего-то побледнела, милая. Не стоит так бояться, я отлично владею кнутом, как-нибудь я тебе это обязательно продемонстрирую, но не сегодня. – Я с облегчением выдохнула, надеясь, что мое знакомство с этим жутким приспособлением состоится не скоро. – Итак, у нас есть: стек с перышками и флоггер, что выбираешь?

Я растерялась, я понятия не имела, что причинит мне меньше боли...

Микаэль взял приспособления в руки и протянул мне.

– Потрогай, – велел он. Я коснулась хвостов флоггера, и мне понравилась мягкость кожи, но стек... он вселял в меня трепет, и я никак не могла избавиться от мысли, что этим приспособлением укрощают животных... и перышки такие милые...

– Не можешь определиться? Мне тоже трудно выбрать, давай оставим оба. Начнем с флоггера, а стек отложим на потом... Согласна?

– Да... – тихо прошептала я.

Микаэль коснулся моего подбородка рукояткой плети, заставляя посмотреть на него.

– Да, Господин, – строго поправил меня он.

– Да, Господин... – повторила я.

– Не забывай, Анна, не то мне придется тебя наказать.

Он убрал флоггер на комод, открыл один ящик и достал кожаный ошейник. На нем было написано уже знакомое слово *slave*, но на моем ошейнике, буквы были золотыми. Микаэль подошел ко мне и достал из кармана брюк резинку и протянул ее мне.

– Завяжи волосы, – приказал он, – мне не нравится твоя стрижка, она слишком дерзкая для тебя.

Я завязала волосы и стала ждать следующих приказов.

– Сними ботинки и чулки, – распорядился он. – Платье пока останется на тебе, оно такое милое, ты в нем такая невинная... Я сниму его с тебя позже. Дай мне руки.

Я протянула ему руки, и он надел мне на запястья кожаные оковы. Потом он опустился на колени и надел оковы на мои лодыжки, туго затянув ремни.

– А теперь ошейник. Но для начала несколько правил для тебя: ты обязана обращаться ко мне только Господин и только на ВЫ. Ты должна выполнять любое мое желание с покорностью, должна просить прощения за совершенные ошибки и благодарить за все, что я для тебя делаю. После наказания ты обязана целовать мои руки, а также орудие наказания. Ты не имеешь права смотреть мне в глаза, твой взгляд всегда должен быть опущен, у тебя не может быть своего мнения или желаний, твоё тело принадлежит мне, и оно всегда к моим услугам. Я надену на тебя ошейник, и с этого момента ты становишься моей рабыней, до тех пор, пока я его с тебя не сниму.

– Микаэль... – жалобно простонала я, и в последний раз заглянула в его глаза, не представляя себе, как смогу не смотреть в эти два голубых океана, как смогу без этих милых, нарисованных временем морщинок.

– Доверься мне, – прошептал он, легко поцеловал меня в губы и надел ошейник.

Игра началась.

Этот ошейник был словно волшебным: как только он сковал мою шею – я тотчас перестала быть собой, я перестала быть Анной, я превратилась в рабыню. Ощущения были новыми и волнительными, каждое движение моего Господина воспринималось остро и вселяло в меня трепет и благоговение, каждое Его слово было значимым и важным, Его дыхание в мою сторону было наградой.

Мой Владыка устроился на диване и жестом подозвал меня к себе. Я хотела подойти к Нему, но Он взглянул на меня гневно и нахмурился.

– Что за неуважение, раба? А ну живо на колени и не смей с них вставать, если только я не прикажу!

Я упала на колени, испугавшись того, что так скоро прогневала Хозяина.

– На первый раз прощаю, ко мне!

Я поползла к Нему и устроилась у Его ног.

– Можешь разуть меня и сделать мне массаж ног, – разрешил Он и я коснулась Его ботинок, развязала шнурки, сняла их, потом сняла Его носки и нежно коснулась Его ног, лелея их так, словно они хрустальные.

– Хорошо, продолжай, – Он поощрительно погладил меня по голове, и я едва не запрыгала от радости, так я счастлива была тому, что сумела Ему угодить. – Чтоб ты понимала, это большая честь для тебя, и очень великодушно с моей стороны, что я позволил тебе прикасаться к себе.

– Благодарю Вас, мой Господин, – я наклонилась и поцеловала Его ноги, чем Он остался крайне доволен.

– Итак, у рабыни должно быть имя, и сейчас я тебе его выберу.

Он достал свой телефон и какое-то время перечитывал женские имена, пока не остановился на одном. – Аими, что означает очень любимая. Будешь Аими, тебе нравится?

– Очень, благодарю Вас, мой Господин.

Он протянул мне руку, и я благодарно поцеловала ее. Очень любимая... какая честь для меня...

– Ладно, заканчивай и обуй меня, – распорядился Он.

Завязав шнурки, я немного отодвинулась, давая понять, что закончила.

– Хорошо, а теперь налей мне выпить.

Я чуть не поднялась, уже начала, но вовремя остановилась, и поползла на коленях к столику с выпивкой.

– Приподними платье, так чтоб я видел твои трусики, – приказал Господин, и я беспрекословно исполнила приказ, и поползла дальше, изгибаясь и виляя попой. Он наблюдал за мной, я не видела, но чувствовала, как жадно Он рассматривает белое кружево, которое выглядывает из-под платья. Я дотянулась до бутылки, плеснула в стакан немного виски и поползла назад. Со стаканом в руке ползти было непросто, но и не слишком уж сложно, так что я справилась и подала напиток своему Владыке.

– Встань сюда, будешь подставкой для ног.

Я встала на четвереньки, и Он положил мне на спину ноги, раскинулся на диване, неспешно попивая свой горький напиток.

Впервые я почувствовала унижение от того, как позволяю с собой обращаться, унижение, смешанное с чувством гордости за то, что смогла быть полезной своему Повелителю. Быть подставкой для Его ног, что может быть для меня почетнее?

Внезапно в комнату вошла девушка, вошла несмело, робко... увидев ее Микаэль, то есть мой Господин, поднялся, какое-то время, молча смотрел на нее, а потом взмахом руки разрешил ей подойти. Я поспешно поправила платье и опустила на пятки. Хоть мне никто и не разрешал менять позу, но я понадеялась на то, что мой проступок останется незамеченным. Я с интересом разглядывала девушку: высокая, стройная, длинные вьющиеся волосы, пухлые губы, большие карие глаза – кукла да и только. На ней было до неприличия короткое платье с глубоким и таким же неприличным декольте. Ее глаза радостно блеснули, когда Микаэль, то есть мой Господин, позволил ей приблизиться к Нему. Она робко подошла, опустилась на колени, поцеловала Его обувь! и тихо, невероятно кротко, с глубочайшим почтением прошептала: Мессир...

Он протянул ей руку, и она с благодарностью поцеловала и ее. Господин снова сел на диван, а она устроилась у Его ног, а я только сейчас заметила, что на ее шее тоже ошейник, только буквы на нем ало-красные.

– Аими, принеси нашей гостье бокал вина, – распорядился Господин, а я не сразу поняла, что Он обращается ко мне, потом, когда сообразила, хотела подняться, потом вспомнила, что нельзя, и только потом поползла к столику. А они тем временем непринужденно болтали на английском, а я радовалась тому, что хотя бы понимаю, о чем они говорят.

– Доминик, как поживаешь?

– Благодарю, Мессир, у меня все хорошо. Я скучала и молилась за ваше здоровье, мой Лорд...

– Я тобою очень доволен, умница.

Я уже подползла к ним и увидела, что эта умница-красавица снова целует руки моего Господина, и делает это с такой нежностью, с таким трепетом, словно касается божества. Я

вспыхнула от ревности, мне захотелось наброситься на нее и задушить собственными руками. Я уже делила своего мужчину с другими, больше не стану, он мой, только мой!

– Твой Хозяин отпустил тебя ко мне, Доминик?

– Да, Мессир.

– Пошевеливайся, Аими, – раздраженно бросил мой Господин.

Ненавидя эту девицу, и сгорая от ревности, я протянула ей бокал вина и выпустила из рук прежде, чем она успела его взять. Красное как кровь вино пролилось на ее платье и пушистый ковер.

Микаэль звонко рассмеялся, он знал, что я сделала, он понял, что это была не случайность.

– Прости ее, – сказал он Доминик, – сегодня у нас первая сессия и она жутко нерасторопна. Твое платье промокло, сними его.

Я люто глянула ему прямо в глаза, о чем тут же пожалела. Мой Господин разозлился и влепил мне пощечину, затем больно сжал мое лицо рукой, и я поспешно опустила взгляд, но увы, было уже слишком поздно.

– Что за дерзость, ничтожная, раба? Как смеешь? Кто ты такая, чтобы смотреть мне в лицо? Ты наказана! Встань в угол, лицом ко мне, руки за спину и естественно на коленях! – Я поползла в угол, глотая жгучие слезы обиды, ревности и унижения. – Позже тебя ждет порка! – пригрозил Он и забыл обо мне, обратив свое внимание на прекрасную Доминик, которая уже успела снять свое платье, и теперь на ней не было абсолютно ничего.

– Приласкай меня, – приказал Он ей, и она, не мешкая, не сомневаясь ни секунды, положила руки на Его ботинки и медленно поползла вверх, ощупывая Его бедра, торс, грудь... она расстегнула несколько пуговиц на Его рубашке, и принялась целовать Его шею, а ее рука бесстыдно ласкала Его член, через плотную ткань брюк. Микаэль довольно застонал, погладил ее роскошные волосы, которые рассыпались по ее хрупкому телу, потом грубо ухватился за ее обнаженную грудь, стал тискать ее...

Что мне делать? Уйти? И оставить их наедине? Ни за что! Что-то сказать или сделать? Не имею права... Но что тогда? Я не могу просто смотреть, как Он прикасается к другой, как другая прикасается к Нему. В груди жжет от боли, глаза стали влажными от слез, я задыхаюсь от отчаянья и безысходности, и я не желаю ничего больше, только чтобы мой Владыка обратил на меня свой взор, только чтобы Он не игнорировал меня. Я тихо и жалобно застонала, и Микаэль оторвался от Доминик, посмотрел на меня, и я всем телом почувствовала на себе Его обжигающий, гневный взгляд.

– Хочешь что-то сказать?

– Господин... – захныкала я, – простите меня... – по моим щекам лились слезы раскаянья, я громко всхлипывала, больше всего на свете желая Его прощения.

Микаэль подошел ко мне и я уткнулась лицом в его ноги, стала целовать Его обувь, и не останавливалась до тех пор, пока не почувствовала, как Его большая ладонь ласково опустилась на мою макушку.

– Вот, возьми, – Он протянул мне свой белоснежный платок, и я стала вытирать мокрое лицо. – Доминик, поднимись и подойди, – велел Он, – ты тоже встань, Аими. Доминик, возьми в ящике ножницы и срежь подол ее платья, так чтоб длиной оно было как твое.

– Да, Мессир, – рабыня взяла ножницы и опустилась передо мной на колени, прикинула подходящую длину и стала резать мое новое, жутко дорогое платье.

– Нет, еще чуть короче, – приказал Господин, наблюдающий за нами со стороны.

Доминик провела холодными ножницами по моему бедру, захватывая ткань, и снова стала аккуратно укорачивать мое платье.

– Идеально. А теперь, Аими, поцелуй Доминик, в знак благодарности.

Что? Целовать ее, эту сучку? Никогда, ни за что!

Доминик поднялась, и теперь мы стояли лицом к лицу. Я взглянула на нее гневно, с призрением, и к моему удивлению, она ответила мне не менее агрессивным взглядом. Микаэль подошел к комоду и взял флоггер, после чего направился к нам. Я почувствовала страх, но он был не настолько сильным, чтобы заставить меня поцеловать ненавистную мне Доминик.

– Почему ты не хочешь поцеловать ее, Аими? Разве она тебе не нравится? – наш Господин провел флоггером по спине Доминик, касаясь ее нежной кожи ремешками, а она задышала часто и прерывисто, явно получая наслаждение от проявленного к ней внимания.

– Посмотри на нее, ну разве не красавица? Посмотри, какие большие и мягкие у нее губки, – Он провел пальцем по ее губам, а она едва не запищала от восторга, – какие у нее большие и прелестные грудки... – Он шлепнул флоггером ее по груди и ее соски вмиг отвердели, стали большими и торчащими, а она сама тихо застонала, блаженно запрокинув голову.

Лучше бы мне поцеловать ее, чтоб только Он больше к ней не прикасался. Поцеловать и дело с концом. Просто поцеловать, не думая о том, как люто я ее ненавижу...

– Аими не хочет тебя целовать, – тяжело вздохнул Господин, – тогда я тебя поцелую... – Он притянул ее к себе, крепко прижимая ее обнаженное тело к своей одежде, Его руки легли на ее ягодицы, а Его губы коснулись ее губ...

Мой седовласый мужчина, мой возлюбленный, мой Господин... я хочу быть единственной, хочу быть твоей Анной, твоей очень любимой рабыней Аими...

– Я поцелую ее... – едва дыша, прошептала я.

Микаэль отпрянул, уступая место мне, и я не видела его лица, но знала, что он чертовски самодовольно улыбается.

Я положила ладони на горячие щеки Доминик, приблизилась и несмело коснулась губами ее губ. Мягкие, сочные, нежные как бархат, сладкие как мед...

– Целуй ее по настоящему, Аими, – настоял Господин, и я просунула язык в ее рот, коснулась ее влажного языка, а она ответила, и наконец, наш поцелуй стал настоящим и... страстным...

Я слышала хорошо знакомый мне звук расстегивающегося ремня и ширинки. Руки моего Владыки легли на мои бедра, стянули с меня трусики, и я почувствовала, как Он входит в меня сзади. Я подалась Ему навстречу, чуть раздвинула ноги, чуть наклонилась, подставляясь Ему, не прерывая нашего с Доминик поцелуя. Мой Хозяин имел меня быстро и жестко, но я была рада и тому. Доминик придерживала меня, помогая устоять на ногах, а я продолжала целовать ее сладкие губы, и мне даже показалось, что мы подружились. У нас было кое-что общее – мы любили одного мужчину. Микаэль пришел к финишу скоро, и я, конечно, не успела получить удовольствия от столь краткого совокупления, но я не роптала.

– Доминик! – почти крикнул он, и она в мгновении оторвалась от меня и упала перед ним на колени.

– Мой Мессир... – благоговейно прошептала она и Он, вздрагивая, кончил ей на грудь. – Благодарю Вас, мой Мессир...

Он позволил ей облизать Его член, после чего протянул ей свою руку, и она прильнула к ней, как к целительному источнику.

– Все что на груди Доминик – все твое, Аими, – устало сказал Микаэль, заправляясь.

Я опустила на колени. Ненависти больше не было, ревность тоже поутихла, мне было жаль несчастную девушку, безответно влюбленную в своего Мессира. Я была в лучшем положении, чем она, я была очень любимой рабыней Аими. Я наклонилась и стала слизывать сперму своего Господина с ее груди. Ее кожа была как шелк, нежная и мягкая, Его семя на ней было вязким и чуть с горчинкой. Наш Владыка опустил ладони на наши головы, давая понять, что очень нами доволен.

Господин раскинулся на диване, Доминик разминала ему плечи, а я была подставкой для Его ног, и каждый из нас был доволен своим местом. Но вскоре нашу идиллию нарушил незванный гость...

Микаэль поднялся и пошел навстречу вошедшему мужчине, Доминик поползла к ним и поцеловала обувь гостя, а я застыла на месте.

Мужчина тоже говорил на английском, его голос был грубым и строгим.

– Я отпустил ее всего на минутку, но эта дрянь заставила меня прийти за ней, – недовольно пробухтел он, и пристегнул к ошейнику Доминик металлический поводок.

– Не наказывай ее слишком строго, это я задержал ее, мы давно не виделись, – вступился Микаэль.

– Мы здесь на недельную сессию, так что эта дрянь получит сполна, – пообещал он и с силой дернул за поводок, так что бедная Доминик упала к ногам своего Хозяина. Он поставил ногу на ее щеку, прижимая своим массивным ботинком ее лицо к полу. – Давненько тебя не было видно, как поживаешь?

– Нормально, – ответил Микаэль, – в последнее время тут часто возникают трудности, мне приходится контролировать все лично... – разговор зашел о делах и я больше не слушала. Меня ужасало то, как этот тиран обходился с Доминик, и то, что Микаэль спокойно вел светскую беседу, не обращая на это никакого внимания. Я смотрела на нее, и мы случайно встретились взглядом. В ее глазах застыли слезы, обида, унижение и печаль. Я не смогла этого стерпеть и отвернулась. Мне было так жаль ее. Теперь я понимала, почему она с таким наслаждением грелась в мягких руках моего Микаэля.

Доминик жалобно застонала, и мужчина убрал ногу с ее щеки, оставив на ней красный отпечаток.

– Ну что ты скулишь, сука? – раздраженно бросил он. – А ну-ка посмотри на меня!

Доминик с надеждой подняла взгляд на своего хозяина, посмотрела на него своими большими карими глазами, а он плюнул ей в лицо, и я заметила, как резко руки Микаэля сжались в кулаки. Доминик стерла слезы со своей щеки, ее всю трясло, ее грудь вздымалась от частого, прерывистого дыхания. Я похолодела, меня стало тошнить, голова кружилась... это не могло быть реальностью и все больше походило на дурной сон.

– С кем ты тут? – услышала я вопрос жестокого тирана, и едва не потеряла сознание – речь зашла обо мне.

– А, это Аими, – представил меня Микаэль, – у нас с ней первая сессия.

– Да, милая мордашка, – усмехнулся он, и я почувствовала, как он разглядывает меня.

– Аими, подойди, и в знак уважения поцелуй обувь нашего гостя, – приказал Микаэль.

Я ужаснулась! Что? Целовать ноги этому злобному, противному утырку? Да ни в жизни!

– Аими! – поторапливал меня Микаэль, но я даже не думала о том, чтобы сдвинуться с места.

– Она у тебя совсем неуправляемая! – возмутился Мистер Зло. Я посмотрела на Доминик, а она взглядом велела мне немедленно подчиниться. Ну уж нет! Может это ее удел, облизывать обувь всех подряд, но уж точно не мой! А Микаэль тоже хорош! Как он может приказывать мне такое! Своей Анне, своей очень любимой Аими... Не стану кориться, пусть хоть убьет!

– Аими! – голос Микаэля стал строже, но меня это не испугало.

– Ты позоришь своего Господина! – пристыдил меня злобный тиран.

Я не заметила этого раньше, но в его руках был кнут, тот самый, которым по неосторожности и убить можно, и теперь он ударил им о пол рядом с моим телом. Я чуть с ума не сошла от страха! Удар был таким сильным, и я боялась даже представить, что будет, если кнут полоснет меня по коже! Страх меня поглотил, я сломалась, я сдалась, поползла к чужому хозяину и коснулась губами его обуви.

Никогда прежде я не чувствовала себя такой униженной. Одно дело Микаэль, я люблю его, я принадлежу ему, ему все можно, но этот незнакомый мне мужчина, и я целую его ботинки, а мое платье такое короткое, что когда я наклоняюсь, оно обнажает мои ягодички, а ведь я без трусиков...

– Так-то лучше, – холодно бросил ненавистный мне гость, и обратился к Микаэлю: – Подари мне ее, хоть на час, и я верну тебе ее кроткой, покорной и послушной.

Я ощутила приступ паники, мне стало страшно, захотелось закричать: нет, не отдавай меня ему, не делись мною ни с кем! Я на коленях, между двумя властными мужчинами, между двумя Господами, но принадлежу лишь одному из них, служу только одному Владыке, а другой хочет украсть меня, похитить, укротить и воспользоваться мною в своих целях.

Я представила, как вынуждена подчиняться ему, злему и совершенно незнакомому мне мужчине, представила, как он рассматривает меня, трогает, ощупывает, как скот перед покупкой. Представила, как его кнут жалит мою кожу, представила, как он приказывает мне раскрыться перед ним и впустить его в себя или ублажать его, беря в рот его орган... Нет... не отдавай меня ему! Для меня это будет самой страшной, нестерпимой пыткой, для меня это будет сродни насилию...

Еще один удар кнута рядом со мной, я испуганно вздрагиваю, и слышу смех, но не Микаэля. Я чувствую ярость, я напряглась, я одичала, у меня остервенелый взгляд, я словно затравленный зверь... В голове вертятся отчаянные мысли, где же Микаэль, почему он не вступится за меня, почему он позволяет чужому мужчине так обращаться со мной? Я ведь его Аими, я ведь его очень любимая... В этот момент Микаэль поставил свою ногу мне перед лицом, и я вдруг почувствовала себя в безопасности, я почувствовала себя под его защитой, я прильнула к его ноге, прижалась к ней всем своим телом, я обвила ее руками, впилась в нее губами, зная, что теперь мне больше ничего не угрожает, потому что мой Господин слишком жадный, чтобы делить меня с другим.

– Вот, что значит нога Хозяина, – усмехнулся Микаэль, и в ту самую секунду я ощутила удар по обнаженным, открытым ягодицам, стеком. О, как же остро! Я вдруг осознала, кто я, нашла свое место, почувствовала себя полностью подчиненной и в абсолютной власти своего Господина. Он доминирует надо мной, Он мой Мастер, Он мое все, а я... я лишь для того, чтоб быть Ему полезной, я лишь для Его удовольствия, я лишь подстилка, не более...

– Давай, дрянь, попрощайся, и пойдем, – мужчина дернул за поводок, и Доминик поцеловала обувь Микаэля, а он ласково погладил ее по голове.

– Мессир... – благоговейно прошептала она

– Будь умницей, Доминик, – сказал Микаэль и протянул ей руку. Она ухватила за нее, стала целовать, чуть касаясь языком кончиков его пальцев.

– Доминик? – хмыкнул ее хозяин, – ну и имя ты ей выбрал, я зову ее просто – дрянь.

На прощание мы обменялись взглядами, две одинаково покорные рабыни, но буквы на наших ошейниках были разного цвета, и теперь я поняла почему – у каждой из нас был свой хозяин. Золотой – цвет моего Господина, цвет богатства и роскоши, цвет достатка, цвет абсолютной власти.

Наконец-то мы остались наедине, и Он приказал мне закрыть дверь, чтоб нам больше никто не мешал. Я ползу от двери обратно к Его ногам. Колени немного побаливают, ковер хоть и мягкий, но натирает... я не ропщу, не имею права. Останавливаюсь, Он молчит, знаю, что смотрит на меня сверху вниз, знаю, что улыбается. Приказывает подняться, я поднимаюсь, колени смешно хрустят, приятно и отчего-то неловко стоять в Его присутствии. Он обходит меня, кусается жемчужных пуговиц на моей спине, не спеша расстегивает их, чувствую легкое прикосновение Его горячих пальцев в моей коже, дрожу, как от холода, дышу часто и прерывисто, не могу дышать ровно, зная, как близко Он ко мне. Закончил с пуговицами, приказывает снять платье, подчиняюсь. На мне только бюстгальтер, кружевной, белоснежный... а трусики Он снял с меня раньше. Его руки снова чуть касаются моей кожи, когда Он расстегивает застёжки, потом Он снимает бретельки с моих плеч, бюст соскальзывает и падает на пол. Я обнажена, дышу чаще, чувствую Его дыхание на свой шее... надеюсь, что Он прикоснется ко мне, мечтаю об этом, но ничего не происходит. Он снова обходит меня, и я опускаю взгляд, чтоб не посметь смотреть ему в глаза, хотя мне так хочется их увидеть, так хочется взглянуть в прекрасное лицо моего Хозяина. Но нельзя, я опускаю взгляд и замечаю в Его руках флоггер... Во рту пересохло, холод снова прошелся по телу, я боюсь наказания и жажду, я вижу, как Его сильные руки сжимают орудие, и чувствую Его власть, Его могущество...

– Знаю, это наша первая сессия, и нет ничего странного в том, что ты совершала ошибки, но я не могу не наказать тебя, ведь я и так был к тебе терпелив, что скажешь?

– Ваша милость безгранична, мой Господин...

– На колени! – жесткий, холодный приказ, обсуждению и возражениям не подлежит, подчиняюсь. – Я заметил за тобой мелкие погрешности, но был один очень серьезный проступок... – Он опускает кожаные ремни флоггера мне на плечо, я вздрагиваю от холодной кожи, и предвкушения. – Когда ты не подчинилась мне в присутствии посторонних – это очень огорчило меня и даже унизило... – чувствую свою вину, провинилась, должна быть наказана... – Я уже думал, не подарить ли мне тебя ему на перевоспитание, но ты вовремя одумалась... А он человек жесткий, он самый требовательный, строгий и беспощадный доминант из всех, кого я знаю... он бы управился с тобой в два счета... а я хотел быть к тебе добрее и разбаловал... – Его голос грустный, я разочаровала Его, я так виновата, и что мне делать, как не молить о прощении?

– Господин... простите меня, я Вас не достойна...

– Я дарю тебе свое прощение, но лишь после того, как ты стерпишь наказание... лишь если ты покорно, безропота, примешь его из моих рук...

– Накажите меня, мой Господи, умоляю...

Ремни флоггера продолжают скользить по моему телу, будоража меня, я мечтаю об ударе, я жажду боли за свои грехи...

– Ты должна быть полностью открыта мне, Аими, по-шире раздвинь ноги, выпрями спину, выстави вперед грудь, руки на колени, ладошками ко мне, чтобы ты вся была открыта, доступна мне. Хорошо, молодец, – Он снова обошел меня, кожаные ремни прошлись по бедрам, ягодицам, вверх по спине, через плечо и на грудь. Ожидание... какая пытка может быть хуже? Но что мне остается? Только ждать, когда мой Мастер сам решит, когда нанести первый удар. Лишь только Он знает, когда я буду достойна Его внимания...

– Мне нравится твоя кожа, Аими, мне нравится ее невинность, ее нежность... мне нравится думать, какой она будет после порки... сначала слегка румяной, потом припухлой и покрасневшей, а когда мы закончим – твое тело будет в следах и отметинах, они будут свидетельством моей любви к тебе, они будут твоей наградой за подчинение моей власти, они будут болеть, и эта боль будет напоминать тебе о том, кто ты... – Резкий, сильный удар флоггера по спине заставил меня вскрикнуть... не больно, просто неожиданно.

– Опустись на спину, Аими, и положи руки под себя. Разведи колени шире, я хочу хорошо видеть то, что у тебя между ног.

С трудом исполнила все пожелания Господина, нелегко, но выполнимо. Нужно быть достаточно гибкой для такой позы, лежать так не очень удобно, тело напряглось, мышцы подрагивают, запрокидываю голову назад, чтобы не видеть лица Повелителя, хоть и так сильно хочется на Него взглянуть... но нельзя, такую честь нужно еще заслужить. Он щечет меня кончиками ремней флоггера, хочется смеяться, но такое желание пропадает быстро, когда Он бьет меня по внутренней стороне бедра. Особенно чувственное место, нежное, там отлично чувствуются поцелуи, но кто же станет туда целовать такую непослушную рабыню как я? Удар по другому бедру, удар по груди, соски набухли, отвердели... вспоминаю Доминик, вот отчего она так блаженно стонала, это больно, но боль приятная, мягкая, наказание не страшное, словно и не наказание вовсе, а наоборот, поощрение... Снова удар по бедру, по груди, удар в области лобка... вздрагиваю, вскрикиваю, чувства интересные, новые. Господин присаживается на корточки и трогает меня, проверяет твердость сосков и упругость груди, проверяет, насколько я влажная там, между ног... Влажная, даже очень, Он вынимает два блестящих пальца и вытирает их о мою щеку. Я для своего Господина вместо тряпки... какая часть для меня, какой подарок судьбы... Поднимается, снова бьет меня по бедрам, ого, в этот раз сильнее, в этот раз боль ощутимей. Вздрагиваю, тихо постанываю... Далее следует вереница ударов по плечам, бедрам, груди, бедрам, по лобку, по бокам, по груди, по лобку, животу и бедрам... затихает... я с облегчением выдыхаю, напряжение спадает, тело расслабляется, насколько это возможно. Он проводит ремнями по моему лицу, и я вновь напрягаюсь, оживая ударов, но нет, ложная тревога, Он больше не будет меня бить, может быть сейчас самое время для поощрения? Удар, сильный резкий, прямо по лобку, я вскрикиваю, дергаюсь, хочу закрыться, хочу сдвинуть колени, хочу защитить свое уязвимое место.

– Фу! – бросает Он мне, как собаке, и мне хочется заплакать, так это унижительно.

Снова удары, нескончаемой вереницей сыплются на мое тело, и я уже дрожу, меня колотит, я не могу сдерживать стоны, боль жгучая, еще могу терпеть, но сколько?

Господин снова наклоняется надо мной, прикрепляет к моему ошейнику поводок... холодная сталь касается моего разгоряченного тела, я снова дергаюсь. Он тянет за поводок, и я снова стою на коленях, свела ноги вместе, ах, какое облегчение!

– Наклонись и вытяни руки перед собой, попку повыше, ноги сожми, вот так. – Эта поза что-то типа Doggy-style, а с поводком и ошейником я себя могу легко представить Его собачкой. – Смотри, что у меня для тебя есть, Аими! Это мое поощрение для тебя.

В Его руке лежит металлическая штукавина с большим, блестящим бриллиантом, красиво очень, но понятия не имею, что это может быть.

– Это анальная пробка, Аими, и она для тебя, – радостным голосом поясняет Хозяин.

– Спасибо, Господин, – растерянно, и немного смущенно шепчу я.

– Сейчас я ее введу, и может быть, будет больно, потому что она достаточно большая, но ты потерпи.

Холодная... это было мое первое чувство, а дальше, когда пробка проникала в мой анус, было немного больно, ведь накануне Микаэль так жестко отымел меня в зад... Терпимо, но не сильно приятно, чувствуется давление, входит медленно и вот... есть, она на месте.

– Какая прелесть, Аими! – восторженный голос Хозяина, Ему нравится, а для меня это главное. – Этот бриллиант так украшает твою дырочку, просто загляденье! Держи ее крепко, чтоб не потерялась, – говорит Он с насмешкой, и я сжимаюсь, мало ли что, а вдруг и правда потеряется. Мой Владыка дергает за поводок, и я ползу за Ним, куда бы Он меня не вел. Мы останавливаемся у столика, Он убирает с него напитки и бокалы, и хлопает ладонью по столу.

– Залезай, садись на колени, попой на пятки, спинка ровная, выставь ладошки перед собой, умница. Господин прикасается к моей груди, сильно сжимает, больно щипает мои соски, так, что я вскрикиваю, потом обходит меня сзади, проверяет пробку, чуть дергает за нее, чувства неприятные, такие, словно мне нужно в туалет... Он щупает мои ягодицы, щекотно проводит пальцами по моим ступням, я непроизвольно хохочу. Теперь Хозяин снова передо мной, Он кладет в мои открытые ладони поводок, еще раз осматривает меня, и говорит:

– Не шевелись Аими, сиди смирно. Я скоро вернусь.

Мой Мастер оставляет меня одну, дверь запирается на замок... Я испытываю внезапный приступ паники, страх, мне хочется кинуться к дверям, ползти вслед за Хозяином, но не смею, поэтому так и остаюсь стоять на столе, как красивая фарфоровая статуэтка.

Ожидание... Прошло всего несколько минут, но я уже успела соскучиться по своему Господину, по Его низкому голосу, по Его четким, требующим исполнения приказам, по Его нежным рукам, по Его начищенным до блеска ботинкам... Сажу смирно, как мне и велено,

стараюсь не шевелиться. Интересно, куда Он ушел и зачем? Но обещал, что скоро вернуться, так что ждать мне недолго. Удары флоггером были мне приятны, не было больно, но тело разгорячилось, щеки горят, между ног влажно, я возбуждена, хочу продолжения...

Мысли почему-то возвращаются к Доминик, интересно, что у нее было с моим Хозяином? Она была Его рабыней, это очевидно, но как долго? Она влюблена в Него, это ясно как Божий день, а Он? Чувствовал ли Он что-то к ней, или она всегда была для него лишь рабой? А этот ее новый Господин, этот мерзкий тип, жестокий и грубый, отвратительный... как только она его терпит? Поверить не могу, что мне пришлось целовать его ботинки! Фу, унижительно и противно... ненавижу его, и себя ненавижу за слабость, за то, что дрожала от страха перед его кнутом и его властью. Мой Хозяин не такой, Он справедливый, Он милостивый, если я буду послушной и буду угождать Ему, то обязательно получу похвалу и поощрение.

Ай, чешется... ужасно чешется под лопаткой! Изгибаюсь, но не смею нарушить позу, хотя так хочется завести руку за спину и почесать... ой, попустило... вздыхаю с облегчением... нет, опять чешется, ну что ж такое? Не могу терпеть, не могу, не могу! Все, кажется, прошло... только бы не сглазить! Горжусь собой, тем, что не нарушила позу, тем, что я такая послушная, жду своего Владыку... Время как резиновое, тянется медленно, оно вообще идет, или стоит на месте? В комнате полумрак, а день был таким долгим, я устала, чувствую, как немного затекли плечи, вытянутые руки подрагивают от напряжения, колени побаливают, стол такой твердый... хочется на кровать, раскинуться, расслабиться, но не спать, нет, спать мне совершенно не хочется, хочется продолжать играть...

Меня раздражает выбившийся из хвоста волос. Он упал мне на лицо и подрагивает, когда я моргаю, цепляя его ресницами. Достал! Дую, пытаюсь сдуть его, а он ни в какую... Теперь еще и поясница ноет... Сколько прошло времени? Минут пятнадцать, может двадцать, долго же Его нет... надеюсь, что скоро вернется, потому что я устала... пальцы ног затекли и покалывают, руки дрожат сильнее... чувствую, как мышцы устали, не могу отвлечься от навязчивой мысли о том, как приятно было бы опустить руки... опушу, нет, нельзя. Я же не меняю позу, только руки опушу, дам им отдохнуть и снова верну на место... но Он приказал не двигаться! Он не сказал: не меняй позу, Аими, Он сказал: не двигайся, Аими! Я нарушу Его приказ, как только пошевелюсь!

Колени болят сильнее, я весь вечер с них практически не вставала, плечи болят, напряжение во всем теле, подрагиваю... Ну когда Он вернется? Чувствую раздражение, обещал вернуться скоро, а уже прошло не меньше, чем полчаса! Я устала, возбуждение прошло, мне уже не хочется, мне немного холодно и мне мешает эта пробка, которой Он заткнул мою попку, хочется от нее избавиться, вытолкнуть ее из себя, она меня бесит... руки уже так дрожат, что слышно звон моего металлического поводка, он кажется мне невероятно тяжелым, мне больше немоготу его держать...

Ну где Он? Все, больше не могу, не чувствую пальцев ног, они занемели, и их словно колют иголками, а на коленях уже наверное синяки, так они болят, плечи словно пунцовые, мечтаю о массаже... встану, нарушу приказ, а что мне остается делать, скажу что не стерпела... или схитрю, и вернусь на столик, когда услышу, что Он возвращается, сяду как сидела, а Он и не заметит... а вдруг здесь есть камеры, вдруг Он наблюдает за мной? Устала, уже все тело болит, нет силы терпеть, руки дергаются, цепь звенит все громче, слышу собственное дыхание, оно шумное, тяжелое, начинаю всхлипывать, жалко себя, снова чешется под лопаткой, я раздражаюсь, хочется выругаться всеми ругательствами, которые знаю, хочется психануть и слезть с этого проклятого стола, а потом взять топор и разрубить его на щепки! Слезы текут из глаз, я начинаю громко выть, все болит, все так болит, а Его все нет и нет, и нет и нет, уже, наверное, прошел час или больше, или меньше, я не знаю, я

не понимаю, не понимаю, почему Он оставил меня так надолго... затихаю... хочется вытереть мокрое лицо, но не могу. Слезы сами высохнут...

Звук открывающейся двери, лучик света из коридора... Он пришел, пришел! Я так рада, что хочется петь! Он вернулся, мой Господин здесь! Скоро все кончится, моим мукам настанет конец!

– Аими, ты все еще здесь? – говорит Он так, словно и думать уже забыл обо мне.

Да, черт возьми, я здесь, а где мне еще быть? Я озлоблена, и мне за это стыдно, просто мне так больно, я так устала...

– Господин... – жалобно стону я...

Он подходит, мои руки трясутся еще больше, цепь звенит... я держу поводок, я предлагаю себя Хозяину. Он мешкает, потом все же берет поводок, и мои руки бессильно падают, я снова плачу, я устала, я так устала.

– Господин... – всхлипываю я. Он протягивает мне руку и жадно целую ее, утыкаюсь в нее лицом, так что она становится мокрой от моих слез. Она мягкая, теплая и от нее пахнет сигарами... Хозяин отстраняется, и теперь начинает осматривать меня: прикасается к моей груди, и Ему не нравится, что мои соски больше не торчат, обходит меня, проводит пальцами по спине, ощупывает ягодицы, проверяет пробку. На месте, не потеряла.

– Ты можешь встать, Аими, – наконец развешает он.

Я все еще громко всхлипываю, неуклюже пытаюсь слезть со стола, распрямляю плечи, боль ползет по всему телу, как змея, становлюсь на ноги, которых не чувствую вовсе, и Хозяин подхватывает меня, не давая мне упасть. Я цепляюсь за его плечи, прижимаюсь к Нему всем телом, утыкаюсь лицом в его рубашку, плачу...

– Я ждала Вас, Господин, я так ждала...

Он молчит, Он холоден, отстранен, Он безучастен, безразличен к моим слезам, отчего мне становится обидно, и я плачу еще сильнее. Мне так хочется Его ласки, его похвалы, мне хочется найти в Нем утешение.

– Ляг на стол! – приказывает Он, но я не подчиняюсь, я еще не успокоилась, я еще не готова отпустить Его. – Отвяжись! – Он отталкивает меня от себя, моя нежность кажется ему слишком навязчивой, и это меня ранит но и отрезвляет. – На стол, – повторяет Он, и я ложусь грудью, животом, а Он наклоняется и пристегивает оковы на моих лодыжках к ножкам стола. Потом Он проделывает то же самое с моими руками, и теперь я недвижима, я беспомощна и нахожусь в Его власти. Он снимает с моей шеи поводок, чтоб тот не мешал, обходит меня и я чувствую, как Его теплые руки ласкают мои бедра, ягодицы, спину... я расслабляюсь, наслаждаюсь Его вниманием ко мне, мне приятны Его ласки, я снова чувствую возбуждение, я раскрыта перед ним и я желаю, чтоб Он воспользовался этим и вошел в меня, отымел меня как следует... Удар, короткий но жгучий, неожиданный – вскрикиваю... еще один удар, и я понимаю, что Он работает стеклом. Бьет снова и снова, и ягодицы начинают гореть, пылать, больно, вот теперь больно – стону. Нежно, мягко, как дыхание ветра, перья стека ласкают мой зад, ну вот и все, радуюсь я, все кончилось, я прощена... удар, удар,

удар, я сжимаюсь, чувствую внутри себя пробку, она давит, мешает мне, я жажду избавиться от нее, а ягодицы жгут, ноют... снова удар, еще и еще, еще и еще, я пытаюсь пошевелиться, но не могу, мои оковы крепко держат меня. Не зря я носила их весь вечер, все-таки пригодились. Вздрагиваю, хочу увернуться от удара, не получается. Боль разливается по телу, мне жарко, я чувствую, что вспотела, мне хочется пить. Он останавливается, снова ласкает меня перьями, проходится ими по бедрам и спине, снова возвращается на ягодицы и снова бьет. Еще могу терпеть, но все равно стону.

– Прошу, Господин, достаточно...

– О, нет, Аими, не достаточно... – ухмыляется Он, – это порка, а не тайский массаж.

Он бьет снова и снова, я дергаюсь, заставляю себя терпеть, сдерживаюсь, чтобы не кричать. Он гладит перьями мои бедра, приятно, нежно, жажду Его рук, но еще не заслужила, так, что пока только перья стека. Он щекочет меня ими между ног, мне хорошо, чувствую, как становлюсь еще мокрее, мне душно, жарко, я хочу пить... А-а-а-а... – протяжно выдыхаю я, когда кончик стека бьет меня по клитору. Я дергаюсь, мои оковы натянуты до предела, больно лодыжкам и запястьям, меня накрывает волной страсти, смешанной с болью, меня словно ударило током, мышцы невольно сокращаются, мои пальцы скручиваются, они желают ухватиться за что-то, но хватают лишь воздух. Господин дергает затычку, отчего ощущения только острее, я испытываю что-то вроде оргазма, но это не он, это какой-то экстаз, невиданный, незнакомый мне прежде. Не давая мне времени на отдых, Хозяин продолжает пороть меня, на этот раз еще сильнее, я на грани, я чувствую Его силу, Его власть надо мной, Его величие. Я понимаю свою ничтожность, я ощущаю себя рабыней, не женщиной, не человеком, никаких прав и свобод, у меня нет выбора, я лишена голоса, я лишь вещь, принадлежащая Господину, и только Он один знает, что мне делать, только Он принимает решения, Он повелевает, а я исполняю; я продолжение рук своего Хозяина, я и дышу лишь по Его милости. Трепет, такой, какой я испытываю всякий раз, находясь рядом с Микаэлем, только сейчас этот трепет острее, теперь он заполняет меня всю, и я проваливаюсь в него, в глазах темнеет, я исчезаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.